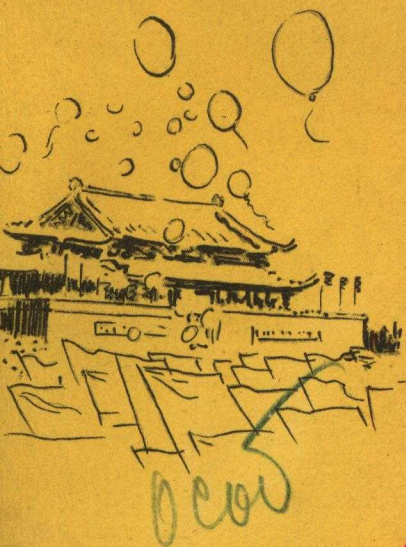
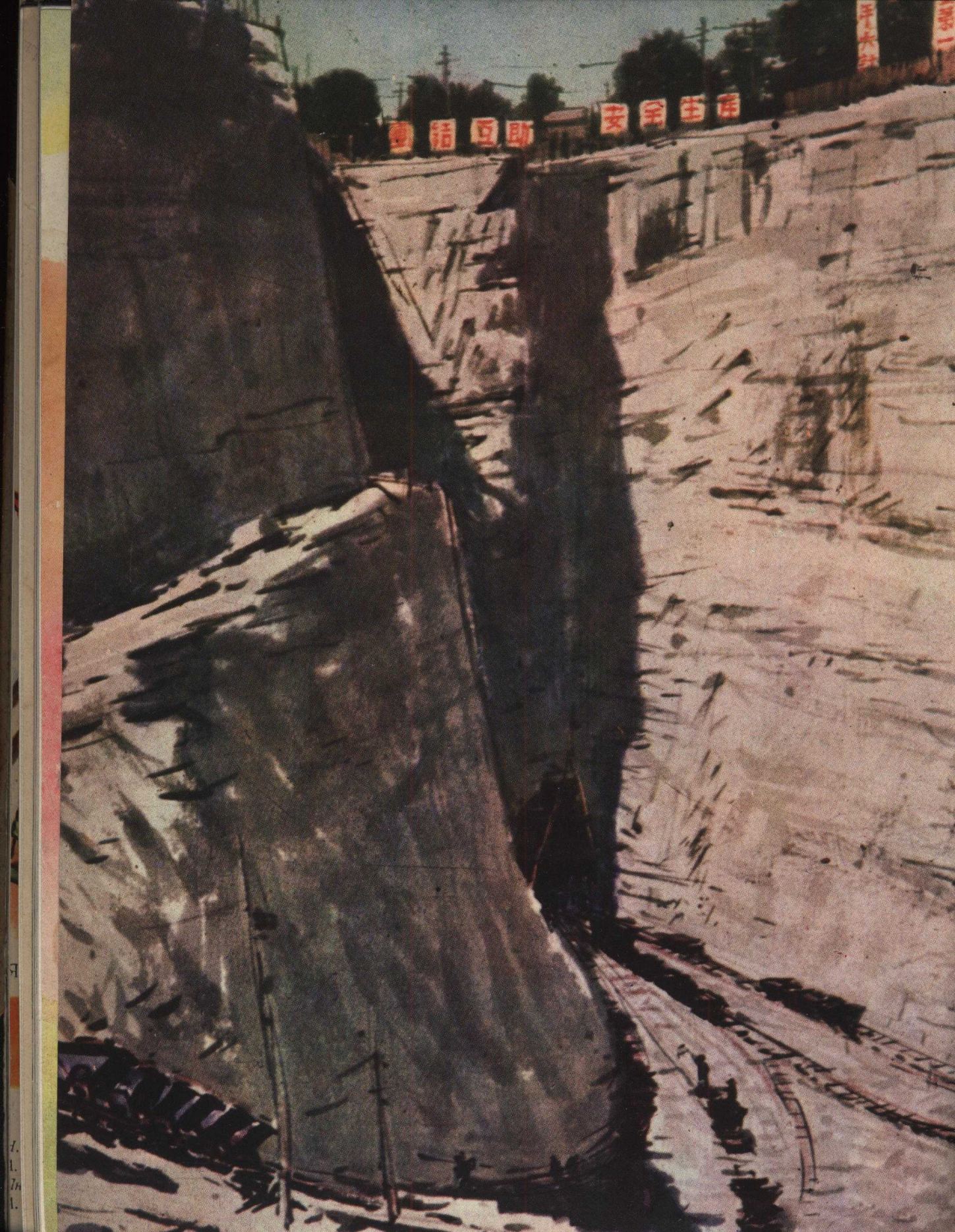

Колос

10
ОКТАБРЬ
1959

Космос

10

ОКТАБРЬ

1959

Ежемесячный детский журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина
Союза писателей СССР

*

Мчится вымпел
новой эры
В голубую вышину.
Мы сегодня — пионеры
Перелета на Луну.

И победе этой
дерзкой
Все ребята отдают
Свой сердечный
пионерский,
Свой торжественный
салют!

*

На обложке рисунок
художника
Чен Цзуй-сяня

*

На второй странице обложки
«Раздвинем горы».
Художник Сун Ци-сян

Ленинград—„Костер“

Дорогие советские маленькие друзья!

В эти дни, когда мы радостно встречаем Национальный праздник десятилетия Китайской Народной Республики, мы знаем, что весь советский народ, и в том числе советские маленькие друзья, как и мы, горячо отмечает этот праздник.

Советский Союз и Китай—страны-братья, а советские и китайские дети близки, как пальцы одной руки. Советские и китайские дети сплочены воедино на вечные времена, они, крепко взявшись за руки, идут вперед к осуществлению прекрасной коммунистической мечты.

Я желаю много-много счастья советским детям, возвращенным великой Коммунистической партией Советского Союза.

Председатель Постоянного комитета Всекитайского собрания
народных представителей ЧЖУ ДЭ

Пекин, 1959 год

ДЕСЯТЬ ШАГОВ ВЕЛИКАНА

Пекин, 1 октября 1949 года. Триста тысяч человек — рабочие, крестьяне, ученые, бойцы — сошлись на площадь Тяньаньмынь.

«Тяньаньмынь» означает «Ворота небесного спокойствия». Но не спокойствие, а бурное ликование царит на площади.

И вдруг — тишина. По всему Пекину, по всему необъятному Китаю, на весь мир репродукторы разносят голос председателя правительства Мао Цзэ-дуна. Он читает Декларацию об образовании Китайской Народной Республики.

Величественно плывет мелодия нового государственного гимна:

«Вставайте все, кто не хочет быть рабом,
Нашей кровью мы построим Новый Китай!»

Я смотрю на ликующую площадь и вспоминаю.

...Тридцать лет назад я приехал в Китай корреспондентом ТАСС.

Земля принадлежала помещикам. Пятьсот миллионов китайских крестьян жили в голоде и нищете. По тогдашней поговорке, три тяжелых меча висели над головой крестьянина.

Первый меч — задаток помещику.

Второй меч — плата за землю.

Третий меч — долги ростовщикам.

Помещик отнимал урожай, генерал выколачивал военные налоги за несколько лет вперед, а ростовщик требовал долг, который перешел к крестьянину по наследству — еще от прадеда.

Но труднее всего приходилось детям.

Тысячи бездомных детей просили милостыню на улицах старого Китая. Шестилетние ребяташки разбирали щетину в грязи и зловонии щетинных мастерских, глотали ядовитые серные пары на спичечных фабриках, изнемогали в духоте шерстомоек. По двенадцать часов они не отходили от рабочих мест, а получали жалкие гроши. Их били, а истощенных и больных вышвыривали за ворота фабрик. В провинции Сычуань я видел детские угольные шахты, забой-норы, в которые не мог бы втиснуться взрослый человек. Так было выгодно хозяевам: дешевле вырыть нору, чем провести настоящий штрек. И то, что в стране не хватало школ, тоже было выгодно хозяевам: неграмотного легче обмануть.

И вот — конец старой жизни.

Никто и никогда не посмеет гнать ребят в шахты-норы, в шерстомойки-душегубки. Введено обязательное начальное образование. Каждому мальчику, каждой девочке открыты двери в школу.

Коммунистическая партия Китая проложила школе новый курс: «Сочетать образование с трудом». При школах открылось полтора миллиона мастерских и ферм. Ребята с удовольствием учатся нужным и важным профессиям. Так произошло чудо: труд из наказания превратился в любимое дело. Теперь каждый школьник приносит большую пользу стране. А ведь в Китайской Народной Республике восемьдесят шесть миллионов школьников. Восемьдесят шесть миллионов помощников у великого китайского народа!

Народное правительство открыло для ребят двести двадцать шесть дворцов и домов пионера. В них есть все, что нужно юным изобретателям, конструкторам, артистам, кинооператорам, художникам.

Ребята-спортсмены получили сто тысяч стадионов и спортивных школ. Китайские спортсмены уже сейчас — одни из сильнейших в мире. А на спортивных площадках подрастает замечательная смена.

Лучшие из лучших ребят — пионеры. Их в Китае много — около пятидесяти миллионов. За что бы ни брались пионеры Китая, они всегда стараются разузнать, как это дело делают пионеры Советского Союза.

Тысячи разноцветных конвертов, надписанных детской рукой, летят через советско-китайскую границу — границу дружбы. Китайские пионеры — частые гости Артека и других пионерских лагерей нашей страны. А те ребята, которые живут возле государственной границы, постоянно встречаются, соревнуются в труде, спорте и часто гостят друг у друга.

Когда я думаю обо всем этом, мне вспоминается детская железная дорога в Харбине. Всего два километра разделяют ее конечные станции — «Москву» и «Пекин». Близки, очень близки и столицы государств-друзей. В сердце каждого советского человека, каждого китайского друга эти имена всегда рядом.

Китайской Народной Республике — десять лет. Народ сделал всего десять первых шагов по новому пути. Но это поступь великана.

Вл. Рогов

Дождь

РАССКАЗ ПИОНЕРА

Чжан Чжоу

Рисунки В. Орлова

Созрела пшеница, наступила горячая пора для крестьян.

Мои родители встают задолго до рассвета, но все равно управиться на поле не могут:

семья у нас большая, а рабочих рук мало. В летние каникулы мне не удалось погулять ни денечка, пришлось даже пропустить начало занятий в школе.

Вчера я с отцом ходил в лес за листьями для скотины. Принес большую охапку, и мать, улыбаясь, сказала:

— Молодец, сынок! Теперь досыта накормим скотину.

А отец пробурчал:

— Надолго ли этого хватит?

Он за последнее время стал мрачен, слова ласкового не скажет.

В тот день солнце еще не встало, на небе догорали запоздалые звезды, а мать уже приготовила для нас завтрак. Отец чинил соху и злился: не успел расколоть чурку, как сломалось топорщице.

Мне еще нет четырнадцати, но я высокий, а мать говорит, что скоро перерасту отца, стану сильнее его. И все же, за несколько дней уборки урожая я до того устал, что глаза едва разбирали иероглифы в учебнике. Я решил пойти на реку, освежиться. Люблю плавать, плаваю хорошо, как рыба. Но что за удовольствие плавать одному?

Интересно, как ребята проводят каникулы? Когда пионеры обсуждали план отдыха в лагере, я не принимал в этом участия, — ведь и летом мне надо помогать по хозяйству.

Отец все еще чинит соху. Работа у него не спорится.

Позавчера он посылал мать за деревенским плотником, а тот ответил:

— У меня кооперативный инвентарь еще не в порядке, подожди со своим делом денька два — три, тогда поговорим.

Отец, узнав об этом, раскричался:

— Рыбы его глаза! Людям работать, жить надо, а ему и дела нет. Я сам справлюсь, навало!

А когда плотник увидел, что отец сам чинит соху, он спокойно сказал:

— Чинишь? Ну и хорошо!

Отец так вскипел, что не будь рядом соседей, не поздоровилось бы плотнику.

Мой отец — бедный крестьянин, одиночник. Всю свою жизнь он провел в лишениях, редко ел досыта, но если, бывало, кто-нибудь попросит помощи — все готов отдать. А вот за последние годы характер его изменился.

Спросите: почему?

В позапрошлом году в нашем селе организовался кооператив. Чжан Фу-ну, председатель, предложил моему отцу тоже сдать инвентарь в общее пользование. А отец это хорошее дело понял по-своему — решил, что его хотят обмануть. Мысли эти он, правда, не высказал вслух и только ответил:

— Подожду... Посмотрю... — А потом с усмешкой добавил: — «Взаимопомощь»!... Землю я, как и все другие крестьяне, получил.

Чего мне помогать, если силы у меня пока есть, и скотина тоже. Как бы убытка не было от такой взаимопомощи! Обойдусь без нее!

Так отец все время и «ждал».

В прошлом году крестьяне в кооперативе собрали богатый урожай. А у нас зерна оказалось меньше, чем у других, и отец совсем помрачнел. Чжан Фу-ну снова предложил отцу вступить в кооператив, но отец и на этот раз отказался. Его даже прозвали «кадровый единоличник» — ведь он один такой в деревне остался.

Люди стали жить день ото дня лучше, а мы рис не каждый день едим, да и то в долг берем у кооператива. Стыдно, а берем.

Мне в школе очень неловко: ведь я пионер. У всех отцы, как отцы, а у меня...

— Сяо-ланы! Ты куда опять ушмыгнул? — услышал я вдруг голос отца. — Скорей иди есть, да и в поле пора!

Увидя меня с учебником в руке — я брал его с собой на речку — отец закричал:

— Все книги читаешь! Я всю жизнь вижу, что люди едят хлеб или рис, а вот ни разу еще не видел, чтобы питались иероглифами!

Характер у отца строгий. Все в доме делается, «как отец прикажет». Вот и сейчас, услышав сердитый голос отца, прибежала мать. Боится, что отец, вспыхив, ударит меня.

— Ты, сынок, не обижайся на папу, он всю ночь не спал, нездоровится ему, — сказала она, ласково погладив меня по голове.

Мы наскоро позавтракали и отправились в поле. По дороге отец то и дело сердито приговаривал:

— Чего вы плететесь, как черепахи! Быстрее, что ли, не можете?

А как нам идти быстрее? Ноги у матери маленькие: когда она была еще в колыбели, их, по старинному обычаю, бинтовали, и теперь они у нее как у трехлетнего ребенка. Ходить быстро ей трудно, и мне приходится поддерживать ее.

На плечах у матери ветхий, в заплатках, халат, на ногах — старые тряпочные туфли. Перед тем как отправиться в поле, мать ходила за водой, промочила ноги, продрогла и до сих пор дрожит от утреннего холода. Как она сильно постарела, на голове столько седых волос! Бедная мать! Особенно обидно за нее потому, что в кооперативе всех женщин освободили от тяжелой работы.

К обеду мы убрали наше маленькое поле едва ли на треть. Работали не разгибая спины, и когда отец объявил перерыв, не сразу смогли выпрямиться.

Жуя свою лепешку, я отошел в сторону. Стайки птиц то стремительно взлетали, то

камнем падали на землю. Казалось, вот-вот птица разобьется, но у самой земли она раскрывала крылья и снова устремлялась ввысь.

Я так засмотрелся на птиц, что позабыл о своей усталости, и вдруг услышал тревожный крик матери:

— Сяо-лань!.. Отец!..

Я испуганно обернулся, бросился на зов. Отец лежал на земле, лицо его было бледно, глаза закрыты. Склонившись над ним, мать лила ему на голову воду. Я в ужасе остановился: мне показалось, что он умирает.

Вскоре отец очнулся: мутным взглядом обвел поле, посмотрел на мать, на меня, пошевелил губами и едва слышно произнес:

— Мать, сынок, а как пшеница? Нужно поскорее убирать, пока погода хорошая... Смотрите, с севера туча ползет...

Даже нам троим не хватит того, что мы собрали, не говоря уже о малышах и бабушке...

— Сяо-лань, ты очень устал, бедняга, — промолвила мать, утирая слезы полой халата.

— Устал, не устал, а другого выхода нет... — через силу пробормотал отец. — Скорей принимайтесь за работу, а я немного полежу, приду в себя.

Прохладный ветерок донес до нас песню:
«Наша сила — сила коллектива,

Не страшны нам ветер и гроза...»

Это пели на кооперативном поле. Там тоже шла уборка пшеницы.

Крестьяне из кооператива относились к нам дружелюбно — давали зерно в долг и не брали за это процентов. А если отца не было дома, женщины, чем могли, помогали матери.

Отец лежал с закрытыми глазами, будто уснул. Я сказал:

— Мама! Побегу, посмотрю, — может быть, дядя Чжан Фуну на поле. Попрошу его помочь отнести отца домой.

— Не смей ходить, — крикнул вдруг отец и схватил меня за штанину. — Я ползком, но сам доберусь до дому!

Когда отец поел немного, ему стало лучше. — Ты проводи папу домой, — предложил я матери, — а я приналягу на работу.

— Сынок, ты ведь совсем измучился, — прошептала мать, сдерживая слезы.

Но все же она послушалась меня, взяла отца под руку и помогла ему подняться. Останавливаясь через каждые два шага, они двинулись к дому.

Я съел пару холодных лепешек и принялся жать. Но много ли может сделать один человек, да к

тому же еще не совсем взрослый? На миг распрямив спину, я огляделся и увидел вдали ребят, шедших гуськом в сторону пастбища. Зрение у меня отличное, вижу дальше всех в классе; я сразу узнал товарищей по школе. Признаюсь, я позавидовал им: они успевали и повеселиться, и поиграть, и помочь крестьянам из кооператива пасти скот.

Впереди шел знаменосец отряда Ван Цзинь-хай. Мы в классе звали его Толстячком. За ним шел Ли Чжен, мой сосед по парте. Я побежал им навстречу, но, сделав несколько шагов, остановился: ведь нужно успеть убрать пшеницу — никто другой этого не делает, — ведь мы единоличники.

Со вздохом я вновь принялся за работу.

— Сяо-лань, — раздался звонкий голос Ван Цзинь-хая, — привет от звена!

Не успел я слова сказать, как подбежало несколько ребят. Они окружили меня, заговорили наперебой о новостях.

Оказывается, узнав, что отец мой заболел, Ван Цзинь-хай побежал в поле, где работал наш отряд, и закричал:

— У Сяо-ланя отец заболел! Сяо-ланю нужно помочь!

Вожатый отряда дал приказ, звено построилось «по боевой тревоге» и отправилось ко мне на помощь.

Только мы приступили к работе, как появился председатель Чжан Фу-ну и с ним трое крестьян.

Четверо взрослых и наше звено быстро убрали пшеницу с поля. Я задержался, чтоб подобрать оставшиеся колосья, и вернулся в деревню под вечер, когда из домовых труб поднимались столбики дыма. Небо потемнело, чувствовалось приближение дождя.

У ворот меня встретила мать.

— Я еще не приготовила ужин, — виновато сказала она. — Отец все время порывался вернуться в поле, я боялась оставить его одного. Но он все же пошел, по дороге ему снова стало худо, он упал, и дядя Чжан Фу-ну помог мне принести его домой.

Я вошел в дом, увидел бледное лицо спящего отца и тихо заплакал.

Вдруг раздался удар грома. Отец открыл глаза, увидел меня и позвал к себе. На его лице были крупные капли пота. Я взял веер и стал легонько помахивать им.

— Сяо-лань, — отец тронул меня за руку, — ты, наверно, сильно устал, но нужно пойти к дяде Чжану Фу-ну, спросить, когда я должен отплатить за помощь.

— Сяо-лань, скажи дяде Чжану, что отец завтра встанет и сам придет поблагодарить, — сказала мать.

После ужина я пошел к дяде Чжану. Передал ему все, что велели сказать отец и мать, а от себя добавил:

— Дядя Чжан, как бы вовлечь моего отца в кооператив?

Дядя Чжан помешал палочками рис в своей миске, повернулся ко мне и ответил:

— Ты иди сейчас домой, а я, вот, поем и попозже зайду к твоему отцу, проведу его.

Со всех ног я побежал домой. Крупные капли дождя падали все чаще, чаще, сливались в сплошные потоки.

Отец лежал на кровати, не отрываясь смотрел на щели в потолке, откуда капала вода. Вчера ветер сорвал несколько черепиц с крыши, их не успели уложить на место. Пришлось встать на стол и заткнуть щели соло-

мой. Затем я присел на ступеньку у порога ждать прихода дяди Чжана.

— Сяо-лань, вымой ноги и ложись спать, — ты сегодня наработался сверх силы, — услышал я голос отца и впервые за долгое время уловил в его тоне ласковые нотки.

Я послушался отца, но лишь только укрылся одеялом, как раздался стук в дверь. Вошел Чжан Фу-ну.

— Ну как, старина, лучше тебе? — мягко спросил он отца. — За эти два года ты хлебнул трудностей!

— Да, брат, если б не ты и люди из кооператива... — смущенно начал отец.

— Мы очень благодарны вам, брат Чжан, — договорила мать. — Садитесь, пожалуйста!

— Сяду, сяду, — ответил Чжан. — Худо ли, хорошо ли, но побеседовать о крестьянских делах нам надо сейчас, не откладывая.

Пока мать готовила чай, Чжан Фу-ну присел к отцу на кровать. Я вылез из-под одеяла, но, как ни старался, не мог уловить, о чем они толкуют. Говорили тихо, к тому же мешал дождь, стучавший по крыше.

Не помню, как я заснул, но проснулся от того, что кто-то задел мою постель. Я услышал голос дяди Чжана:

— Ну, старина, выздоравливай! До свидания!

В ответ отец сказал:

— Нет, худо без добра. Ведь если бы не болезнь... Я за один этот день понял больше, чем за два года... Как только соберем урожай, сразу вступлю в кооператив, — сейчас как-то неловко придти с пустыми руками.

— Об этом, старина, не беспокойся! После уборки урожая у нас будет праздник, и если ты в это время вступишь в кооператив, — праздник будет вдвойне радостным!

Дядя Чжан Фу-ну улыбнулся доброй улыбкой и закрыл за собой дверь.

— Единоличник — словно мышь в норе... — задумчиво проговорил отец. — Это дядя Чжан правильно подметил.

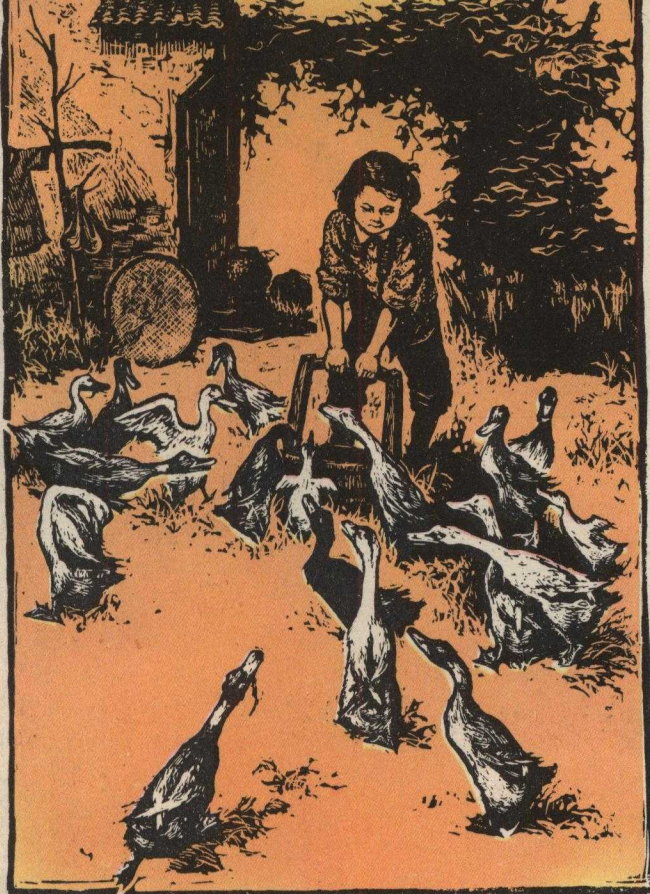
Отец был очень взволнован, и мать сказала:

— Полежи еще денька два, пожалей себя, а мы с Сяо-ланем пока приберем все хозяйство, и я пойду в правление, запишусь за тебя. Раз решили, то нечего откладывать.

От радости я забыл о сне. Какой уж тут сон! Я вскочил, быстро натянул одежду и опротясь выбежал из дома. Я спешил поделиться новостью с ребятами, с вожатым. Мне хотелось, чтобы все узнали об этом.

Дождь стихал. Ветер разогнал тучи, и на небе появилась молодая луна. В свежем воздухе носились летучие мыши. Казалось, даже они танцуют и радуются, потому что и до них дошла весть о нашем счастье.

КОРМЛЕНИЕ УТОК.

Гравюра ЦАО СИН-ГАО

СОЛНЦЕ СЕЛО ЗА ГОРЫ.

Гравюра ЛУ ТИ

СТРОИМ СВИНАРНИК.

Гравюра ХЭ.

通人應讀書
 生平以讀書為事
 又年早慶生何味不怪吾兒
 臨睡多庚午秋八月白石山翁

ЧИНОВНИК.

好後是非有話不在汝前頭說
 白石

ПОПУГАЙ.

歲寒時節
 步花六梅
 白石

ЕТЫ СЛИВЫ.

Художник ЦИ БАЙ-ШИ.

Что такое го-хуа

Н. Зыков

«Юйсаньчи» в переводе значит «бумага, на которой растекаются капли дождя».

Рисуя на юйсаньчи, не имеешь права ошибаться. Стоит мгновение помедлить — и работа испорчена, вместо рисунка — огромная клякса. Поэтому кисть художника бежит по бумаге со скоростью хорошего скакуна. И каждый мазок — окончательный: больше ничего не изменишь, не поправишь.

Такова «традиционная китайская живопись» — «го-хуа», искусство тысячелетней истории, вечно молодое искусство.

Посмотри на цветную страстицу. Перед тобой — рисунки Ци Бай-ши, художника, известного далеко за пределами Китая, лауреата Международной премии мира. Эти рисунки сделаны обыкновенной цветной тушью. Но как поразительно тонко и ощутимо переданы мягкость крыла попугая, свежесть только что сорванного цветка...

До победы народной революции искусство в Китае служило правящим классам. Живописцы, угождая «господам», изображали только цветы, рыбок, стебли бамбука. Традиции требовали: рисуй то, что красиво, не касайся будничных, повседневных, «простонародных» тем. Ци Бай-ши тоже придерживался традиций,

но никогда не был их рабом. Тем же методом классической живописи, на той же юйсаньчи он рисовал карикатуры на чиновников буржуазного правительства и сам делал к ним стихотворные подписи. Около изображения спящего за столом чиновника художник, например, написал: «Перед ним умная книга, но он предпочитает сон...»

Для художников Китайской Народной Республики главной темой творчества стали будни великого шестисотмиллионного народа.

«Видеть жизнь из окна — все равно, что читать в полной темноте», — гласит пословица. И китайские художники не просто путешествуют по стране в поисках «интересного сюжета». Они сами плавят сталь, работают на строительстве плотин и водохранилищ. «Хорошая картина создается в поле и у станка, — говорят они, — а в студии картина лишь оформляется в рамку».

В этом номере помещены репродукции современных китайских картин, выполненных в духе традиционной живописи. Например, «Раздвинем горы». Метод старый — содержание новое. Молодеет древнее «го-хуа».

ЛЕТАЮЩИЙ ОРЕЛ

ЛОШАДИ

Художник Сюй Бай-хун

Ребята! На этой фотографии вы видите старую китайскую коммунистку Тао Чэн с двумя ее маленькими внучками. Тао Чэн — автор интересной книги воспоминаний о революционной борьбе за новый свободный Китай.

«Часто внуки пристают ко мне с просьбой рассказать им что-нибудь, — пишет Тао Чэн в эпилоге своей книги «Моя семья». — При этом они требуют: «Легенд нам не нужно!»

Они хотят услышать о настоящих людях, о настоящих делах...

А я в это время думаю: «Дети — наше будущее... Они вырастают в счастливую эпоху социализма. Они не знают, что такое горе, что такое голод и холод. Однако эта счастливая жизнь была добыта нелегко. За нее пролили свою кровь, отдавали свою жизнь их отцы и деды...

Так пусть же дети ознакомятся с историей их семьи, узнают о тяготах и трудностях, которые стояли на пути создания нового общества, нового Китая! Пусть они еще больше дорожат сегодняшней жизнью, смело, энергично строят свое будущее!»

Прочитайте и вы, ребята, отрывок из воспоминаний Тао Чэн — рассказ о ее старшем сыне Ли-ане.

ОРЛИНОГО ГНЕЗДА

Тао Чэн

Мой муж Оуян Мэй-шэн был учителем и получал за свой труд гроши. Я тоже старалась заработать на пропитание семьи. Но за вышивки платили мало. Не успеешь, бывало, получить деньги, как, смотришь, уже нет ни копейки.

Хоть и туговато приходилось, но жили мы хорошо, не препирались, не ссорились. Иногда в зимние вечера на Мэй-шэна находило вдохновение, и он начинал читать стихи.

Древний поэт писал, что «у бедных супругов одни лишь печали...» Однако в нашей семье всегда царило веселье.

Когда по рекомендации друзей Мэй-шэн стал учительствовать в частной школе села Лунцзядау, что в шестидесяти ли от города Чанша, вся наша семья переехала туда.

Горы, река, лес ошеломили ребят. Они не помнили себя от радости. Бывало, утром только поднимаются с постели, сразу убегают из дома. А вернутся, — карманы битком набиты: тут и орехи, и яблоки, и камешки, и жуки. Чего только нет!

Любимым местом их игр стал деревенский пруд, берега которого густо заросли тростником. Там всегда вилось множество стрекоз, и мальчишки научились ловить их прямо руками. Поймают, привяжут нитку и пускают летать по комнате. Однажды под вечер после сильного дождя старший Ли-ань позвал малышей:

— Пошли ловить стрекоз!

С визгом ребята побежали к пруду.

Ли-ань был ловким, проворным. Раз — и поймал стрекозу!

— Вон там еще одна, большая! — закричал Ин-цзянь.

— Ну так хватай ее!

— Мне не достать!

Ин-цзянь сидел на корточках на скользком берегу пруда.

— Эх ты, трус! — Ли-ань изогнулся и схватил уже третью стрекозу.

Бултых!

— Ин-цзянь свалился в воду! — донесся до меня крик дочери — Бэнь-вэнь.

Я уронила шитье и кинулась из дому. Вижу: на берегу толпа людей. Навстречу мне уже спешил Мэй-шэн.

— Ничего, не волнуйся, вытащили.

Ин-цзянь стоял весь мокрый. Туфель на ногах не было. Увидев меня, он громко заплакал. Я же в сердцах ударила его.

— Ты еще и реवेशь! Хорошо, что не утонул!

— Мама, не бей его, — тотчас подбежал Ли-ань. — Это я виноват...

— Ну так и тебя не забуду! — И ему дала пару шлепков.

Вернувшись домой, я все никак не могла успокоиться. Схватила весь хлам, что наносили дети, и выбросила на улицу.

Мэй-шэн, стоя в дверях, с улыбкой поглядывал на меня.

— Ну-ну! У глупого судьи всегда один приговор: виноват, не виноват — получай триста палок.

Рисунки Д. Арсенина

Шли дни. Ли-ань начал учиться в школе. Жить в деревне было куда легче, — не нужно платить ни за дрова, ни за воду. Вокруг дома мы разбили огород. Своих овощей хватало с избытком. Поэтому мы зажили припеваючи. Но Мэй-Шэну чего-то не доставало.

— Нельзя думать только о себе, — часто говорил он. — У человека есть еще долг перед обществом. Что же ему еще было надо?

В 1923 году он вместе с несколькими друзьями отправился в Сычуань создавать там школу. Ему хотелось повидать свет, найти правду. Я не удерживала его и, забрав пятерых ребятишек, вернулась в родной Чанша.

Через три года муж приехал обратно. Оказывается, их школу закрыли милитаристы.

Мэй-шэн очень изменился. Теперь он редко сидел дома, уходил спозаранку и возвращался поздно вечером. И всегда спешил, как будто его все время ждали какие-то дела. Даже голос стал какой-то иной.

— Мэй-шэн, ты совсем другим стал, — как-то пошутила я. — Видать, и сердце у тебя изменилось. — Изменилось! — ответил он серьезно. — Я отдал его революции!

Я тогда не поняла смысла его слов. Только почувствовала, что в мире надвигаются большие перемены.

Однажды утром я отправилась за продуктами. Только вышла, как из переулка хлынул людской поток. Колонны рабочих, крестьян, студентов размахивали бумажными флажками, выкрикивали лозунги. Стены домов запестрели плакатами.

— Что случилось? — тихонько спросила я у стоявшего рядом со мной человека.

— Как, вы не знаете? В город вошли революционные войска!

С трудом удалось вырваться из толпы. Корзинка, которую я взяла с собой, была раздавлена.

В тот день все у меня валилось из рук: рис пригорел, овощи не посолила. В ушах звучали громкие смелые слова, перед глазами плыли знамена...

Наступил вечер. Мэй-шэн не возвращался. Ли-аня тоже не было дома.

Я уложила ребятшек спать, села сама у ворот и стала ждать. Вдруг, как ветер, примчался Ли-ань.

— Мама, дай скорее поесть. Я голодный как волк! — еще издали закричал он.

— Если бы не проголодался, небось и домой бы не пришел?

— Мама, ты сердись, да? Я ведь был на собраниях...

— Довольно болтать, — перебила я. — Ешь скорее, ты ведь говорил, что голодный.

— Пока ты сердись, не стану есть, — не усту-

пил он. — Мама, ты знаешь, я выступал с трибуны! Слышишь? Даже охрип.

— С какой еще трибуны?

— Приветствовал революционные войска, — торжественно сказал он. — Это и есть революция! Раз

пришла революционная армия, то, как говорил папа, теперь больше не разрешат эксплуатировать людей. У бедняков будет пища...

* * *

Мэй-шэн с товарищами был занят подготовкой к созданию Союза профсоюзов провинции Хунань. Нужно было организовать всех рабочих, помочь доставке боеприпасов на фронт, произвести регистрацию безработных.

На улицах с утра до вечера слышны были звуки гонгов, барабанов. На площади перед Союзом работников просвещения целыми днями происходили массовые собрания, проводились суды над штрейкбрехерами и помещиками. В любую погоду здесь было полно людей.

Ли-ань во главе отряда ребят целыми днями носился по улицам, всюду совал свой нос. Только и слышно:

— Опять твой разбойник дерется!

Пришлось Ли-анем «заняться».

— Ли-ань, завтра не смей выходить из дому!

— Почему? — удивился он.

— Почему? — рассердилась я. — Сам лезет в беду, да еще спрашивает «почему».

— А я все-таки пойду, — подумав немного, твердо сказал он.

— Ах, ты так разговариваешь с матерью! Хорошо же! Пойди разыщи отца, пусть придет домой! Не пойдешь? Ну, так я сама пойду.

Помедлив немного, Ли-ань вышел. И тут же, у дверей, столкнулся с отцом.

Мэй-шэн сразу почувствовал, что дома неладно.

— В чем дело? — спросил он.

— Ты его спроси! — не выдержала я. — Уроков не учит, целыми днями носится с ребятами по улицам, озорничает, дерется...

Мэй-шэн на этот раз тоже вспылил:

— Такой большой, а доставляешь матери столько хлопот! Почему ты озорничаешь и дерешься?

— Я не дерусь, — буркнул Ли-ань, и на глазах у него показались слезы.

— Ты еще и отпираешься! — горько заметил отец. — Если не дрался, почему же приходят с жалобами на тебя? Чтобы стать настоящим человеком, нужно не бездельничать, а учиться. Предупреждаю: если у тебя хоть по одному предмету будет плохая отметка, лучше не попадайся на глаза!

Видя, что Мэй-шэн разволновался, я раскаялась. Волосы мужа всклокочены, глаза покраснели от усталости. Зачем я обременила его этими мелочами? Ведь ему столько приходится работать!

— Поздно уже, давайте ужинать, — сказала я и начала накрывать на стол.

Но в этот вечер мне так и не удалось разрядить атмосферу. Ли-ань, забившись в угол, что-то вырезал на камне. Отец молчал и даже не смотрел в его сторону.

* * *

Начались летние каникулы. Утром Ли-ань и Ин-цзянь отправились в школу на торжественное собрание, посвященное окончанию учебного года. Домой Ин-цзянь вернулся один.

«Опять Ли-ань где-нибудь заигрался», — подумала я и не придавала этому большого значения.

Наступило время обеда, но Ли-ань не появлялся.

— Что же брата до сих пор нет? — спросил Ин-цзянь.

— Пусть его, опять где-нибудь шатается! — строго сказала я.

Ин-цзянь очень любил старшего брата. Без Ли-аня ему даже есть не хотелось.

Наступил вечер. Ли-ань не возвращался.

Что же случилось?

— Ин-цзянь, пойдем в школу!

— Хорошо! — У Ин-цзяня совсем слипались глаза, но, услышав, что надо искать Ли-аня, он сразу вскочил с места.

Школа уже была закрыта. Мы долго стучали, но никто так и не открыл нам дверь. Было ясно, — Ли-аня здесь нет.

Мы пошли к Мэй-шэну. Его тоже не оказалось на месте.

Стемнело. У дверей домов на бамбуковых топчанах, в плетеных стульях сидели люди и обмахивались веерами, отдыхали от дневного зноя. Стояла страшная духота, как перед грозой. На небе ни звездочки. Я не знала, как быть.

— Мама, пошли домой, — зевнув, сказал Ин-цзянь, — наверное, он уже там...

Но Ли-аня дома не оказалось.

На другой день Мэй-шэн вместе с Ин-цзянем обошли всех приятелей Ли-аня. Никто ничего не знал. Только один из одноклассников, который жил за южными воротами, вспомнил, что Чжэн Да-нянь, друг Ли-аня, уехал на каникулы в Сянтань. Может быть, Ли-ань отправился вместе с ним?

— Пожалуй, надо съездить туда, — сказал Мэй-шэн.

Он купил мне билет на пароход, и я в тот же день отправилась.

К счастью, мне действительно удалось напасть на след беглеца. Мать Чжэн Да-няня сообщила, что он уже поступил на завод поденщиком.

— Какой из него рабочий? Он и ростом-то не больше метра! — воскликнула я. — Да и не понимает еще ничего...

Женщина рассмеялась:

— Но он один прошел больше пятидесяти километров, и без копейки денег! Такой не пропадет.

Поблагодарив ее, я отправилась на завод.

Ли-аню и в голову не приходило, что мать окажется здесь. Увидев меня, он страшно растерялся.

— Мама, откуда ты все узнала?

— Как же мне не знать?!

Я хотела при встрече дать ему хорошую взбучку, но, увидев его, забыла об этом.

— Мы тебя по всему городу искали! Так волновались, что есть ничего не могли. А как папа беспокоится!

— Я не увижу больше папу. — Ли-ань нахмурился. — Я буду сам жить, самостоятельно!

— Что ты чепуху плетешь?

— У меня по арифметике неудовлетворительная отметка.

— Ну, так вернешься, попросишь у отца прощения!

Он немного помолчал.

— Но только я никого не бил...

Вот, оказывается, из-за чего все произошло!

Позже мы узнали, что драку обычно затевали озорники, бросавшие камни в отряд.

— Ты на папу не обижайся, — сказала я сыну. Я очень сожалела, что мы вовремя не разобрались как следует и напрасно наказали мальчика. — Это я тогда, не выяснив толком, неправильно на тебя наговорила.

Ли-ань бросился мне на шею.

— Мама, ты у меня очень-очень хорошая!

Мы поехали домой. В дороге Ли-ань был таким же веселым, как и раньше. Он говорил без умолку. Казалось, конца не будет его рассказам.

— Мама, как ты думаешь, папа очень будет сердиться?

— Да, очень, но только не вздумай опять убежать, — ответила я.

— Я должен подогнать арифметику, — вздохнул Ли-ань.

Воспоминания о злосчастной арифметике согнали улыбку с его лица.

Я перевела разговор на другую тему.

— Ты пешком шел до Сянтаня?

— Пешком. Первую ночь спал вон там, около железной дороги, весь промок от росы.

— Не боялся?

— Сначала боялся, потом уснул и перестал бояться. — Ли-ань расхохотался.

— И ты ничего не ел?

— Нет, ел. Тот блин, который взял в школу. Весь съел, пока дошел до Сянтаня. Сначала берег его, думал: если не найду работы, нечего будет есть.

Я не могла удержаться от смеха: на сколько же дней могло хватить ему одного блина!

Младшие ребяташки, увидев вернувшегося брата, устали на него удивленными и обрадованными глазами. Ли-ань только смущенно улыбался.

Как и следовало ожидать, Мэй-шэн не спустил ему этой проделки. В тот вечер, когда мы вернулись, муж против обыкновения остался дома. Он подозвал Ли-аня и строго спросил:

— Значит, ты считаешь, раз плохо учишься, то убежал и дело с концом! Оказывается, у тебя нет никакой воли. Сегодня станешь рабочим, а завтра у тебя не поладится работа — тогда куда побежишь?

— Я не побегу, — ответил сын.

— Нет, побежишь. С человеком, у которого нет воли, всегда так бывает, все у него из рук валится, он и бежит с одного места на другое. Болтаться туда-сюда — это проще всего!

— Папа! — умоляюще произнес Ли-ань.

— Можно чем-нибудь другим заняться, да? — Отец как бы читал мысли Ли-аня. — Значит, если что-нибудь не выходит, — раз это в сторону, и никаких хлопот. На свете нет простых дел. Скажи-ка, какое дело можно хорошо выполнить, не затратив больших усилий?

Потом Мэй-шэн стал рассказывать о том, как он сам учился. Когда упражнялся в каллиграфии, то ставил на запястье чашку с водой, а к кисточке подвешивал связку медных монет, чтобы укрепить мышцы. Когда выходил из дома, то снимал туфли и нес их в руках, чтобы сэкономить деньги на покупку книг. В поисках правды жизни отправился за многие сотни ли, в Сычуань. Он преодолевал трудности и никогда не бежал от них. Еще Мэй-шэн говорил о том, как ему не хватает знаний сейчас, как трудно без знаний приносить пользу обществу. Голос его постепенно смягчился. Ребята слушали раскрыв рты.

Когда мы ложились спать, Ли-ань шепнул мне на ухо:

— Папа очень хороший! Я тоже возьму себя в руки. Я, как папа, не буду убегать от трудностей!

* * *

Была весна 1927 года. Кровавая весна. 12 апреля Чан Кай-ши, только что захвативший власть в провинциях Цзянсу и Чжэцзян, открыто изменил революции и начал бешеную резню коммунистов и других патриотов.

21 мая в одиннадцатом часу вечера в нашем городе поднялась пальба. Стреляли из винтовок, пистолетов, пулеметов. Время от времени раздавались глухие

удары орудий. Начальник гарнизона полковник Сюй Кэ-сян перешел на сторону контрреволюции. Комитет профсоюза, крестьянский союз провинции, партийная школа были разгромлены и опечатаны. На городской стене расклеили объявления, написанные огромными иероглифами — о лицах, подлежащих аресту.

В одном из объявлений стояло:

«Подлежит аресту злодей-бунтовщик Оуян Мэй-шэн, убивавший невинных жителей!»

— Ты знаешь, мама, — сказал Ли-ань, — ловят папу! — Знаю, — ответила я, стараясь казаться спокойной. — Папа делал хорошее дело, поэтому враги хотят его арестовать.

Ночью вернулся Мэй-шэн. Он сказал, что не может больше оставаться в городе. Партия приказала ему немедленно уходить.

— Все постепенно уладится, — успокаивал он меня. — Не тревожься. Им меня не поймать, уеду в Ухань. Через несколько дней к вам придут наши, помогут. Тяжело тебе придется, знаю. Но уверен: ты справишься. Будь смелее! Наступит день, когда снова взойдет красный флаг...

Он взял узелок с одеждой, поцеловал детей и тихо вышел из дома.

Я смотрела ему вслед. На душе у меня было очень тяжело. И вдруг услышала шепот:

— Мама!

Ли-ань стоял у меня за спиной. И внезапно я почувствовала в себе новые силы оттого, что он уже мог разделить мои горести.

— Сынок! — промолвила я, крепко прижимая его к груди. — Надо выдержать!

обезумели. В каждом крестьянине враги видели разбойника, в каждом рабочем — бунтовщика.

Как-то Ли-ань пошел за покупками и вскоре бежал в дом с криком:

— Мама, поедem в Ухань! Не могу больше здесь...

— Что случилось?

— Чанкайшисты убили нашего учителя, — рыдая ответил он. — Я с ними насмерть схвачусь!..

Да, за этот месяц ему пришлось пережить ничуть не меньше моего.

Я тихонько погладила его по голове.

— Мне тоже тяжело. Но кто знает, каково положение в Ухани! Потерпи немножко! Если ехать, так всем вместе. Ты старший, должен помогать маме...

Вскоре меня навестил товарищ Мэй-шэна. Увидев одного из своих, я не знала, что делать от радости. Засуетилась, пригласила гостя присесть, но в доме была такая бедность, что не нашлось даже крепкой табуретки.

Пришлось ему сесть на край кровати.

— Сестрица Мэй, — сказал он, — партийная ячейка знает, что тебе очень трудно. Мне велели навестить тебя, узнать, есть ли какие-нибудь просьбы.

Революция переживала трудный период. Каждый день были жертвы. Я не имела права протягивать к организации руку за помощью.

— При виде вас у меня уже делается светло на душе, — ответила я. — Какие бы ни были трудности, их можно преодолеть. Единственное, что я хочу знать, нет ли вестей от Мэй-шэна.

— Он в Ухани.

— Можно к нему поехать?

* * *

Вскоре с помощью парторганизации мы перебрались в более глухой район города.

Дети не ходили в школу, слонялись дома, ничего не делая. Читанные и перечитанные учебники больше не возбуждали их интереса. Я опасалась выпускать ребят на улицу. В городе было неспокойно. Враги совсем

— Там так же, как и здесь. Не стоит туда перебираться.

Я поняла, что в Ухани положение обострилось. И это еще более укрепило мою решимость поехать туда.

— Я здесь не приношу никакой пользы, только причиняю вам хлопоты. А там, в Ухани, может быть, смогу кое в чем помочь Мэй-шэну.

Поняв, что меня не переубедить, товарищ обещал посоветоваться.

На другой день пришел опять. Но все-таки стал отговаривать меня от поездки.

В конце концов дал несколько адресов, за точность которых, однако, не ручался.

...В ноябре уже зябко. Мы надели на себя все теп- лое, и багажа у нас осталось совсем мало.

Маленькое судно могло взять на борт только около трехсот тонн груза. А казалось, подай сюда еще два таких пароходика, — и они не смогут вместить всех пассажиров, толпящихся на пристани с тюками и узлами. Приказав детям крепче держаться за меня, я стала протискиваться вперед. Мы продвинулись на несколько шагов, но потом нас плотно зажала толпа. От волнения с меня градом лил пот. Полчаса до от- плытия парохода, а мы все еще не можем попасть на него.

Вдруг кто-то потянул меня за рукав; обернувшись, я увидела нашего товарища и, чтобы не вызвать подо- зрений со стороны окружающих, громко сказала:

— Дядя, иди домой! Скажи матери, чтобы не бес- покоилась о нас.

Он понял, улыбнулся:

— Тут печенье, детям на дорогу...

Если бы не он, мы не сели бы на пароход. С двумя маленькими на руках, покрикивая: «Человека зада- вите, человека задавите!» — толкаясь локтями, он про- бил мне путь.

...Пароход отчалил.

Трюм был битком набит людьми. Некуда даже ступить.

— Ой-ой-ой! Глаз у вас нет, что ли? — то и дело кричал кто-нибудь. — На головы людям садитесь!

Нас затиснули в угол, и мы уселись там как попало.

Река обмелела. Пароход продвигался медленно. Все продукты, взятые в дорогу, были съедены. На пароходе стали продавать грубую рисовую кашу. Ее принесли в больших бамбуковых корзинах. Но купить можно было только чашку.

Вдруг раздался шум, крик:

— Бей, бей его!

— Бросай его в воду!

Какой-то человек в лохмотьях, высоко подняв при- горшню риса, запихивал ее себе в рот. Удары сыпа- лись на него со всех сторон.

Ли-ань, видя, как бьют человека, задрожал от не- годования. Боясь, что сын привлечет к нам внимание, я держала его за рукав и уговаривала сесть. Но он вырвался, бросился к голодному и отдал ему пол- чашки своего риса.

Чтобы доехать до Ханькоу, нужно только двое суток, а наш пароход шел целых шесть. Но когда я увидела город, сердце мое сильнее застучало в груди. Кто знает, что ожидало нас на берегу: ра- дость или беда?

На пристани сыщики преградили нам путь. Они осмотрели багаж каждого пассажира. Под нависшими штыками мы вышли из порта.

Куда же направиться? Нельзя же с кучей ребят ходить по каждому адресу, узнавать местожительство Мэй-шэна. Мы остановились в маленькой гостинице. Но Ли-ань ни за что не хотел отдохнуть. Разузнав адрес Хунаньского землячества, он сразу отправился на поиски.

Я знала, что с семи часов ходьба по городу запре- щена, и когда зашло солнце, была сама не своя от тревоги. Неожиданно отец и сын, взявшись за руки, появились в дверях.

Дети с громким криком радостно кинулись к ним.

Наверно, очень трудно понять, что такое белый террор, если сам не пережил всего этого. Трудно представить себе все бешенство, жестокость контрре- волюции. Даже я вспоминаю об этом, как о каком-то ужомном сне.

Однажды убили молоденькую девушку только за то, что она вплела в косы красную ленту и была принята за «тайного агента коммунистов».

В традиционный праздник фонарей у дверей одной квартиры был вывешен яркий красный фонарь. Полиция оцепила дом и арестовала хозяина. Фо- нарь якобы служил «сигналом к восстанию».

Несчастье, смерть могли в любую минуту ворваться в жизнь любой семьи. Всюду лилась кровь честных людей, патриотов Родины. Партия ушла в подполье.

Мы поселились у подножия горы Гуйшань. Здесь же разместился уездный комитет партии. У нас было много детей, поэтому посетители не привлекали к себе внимания соседей.

В мои обязанности входила маскировка нелегальной работы. Когда гости ложились спать, надо было быть начеку. Услышав подозрительные шаги, момен- тально проверить тайник, где хранились секретные до- кументы, и на всякий случай несколько раз прогу- ляться вокруг дома. Если кто-нибудь из товарищей глу- бокой ночью выходил из дому, я должна была ожи- дать его и часто просиживала до рассвета. Даже стирка, приготовление еды — все приобрело новый смысл, новое содержание: «это тоже для революции».

Ли-ань как тень следовал за мной. Если в комнате шло совещание и я стояла у дверей, он подходил и тихонько говорил:

— Мама, отдохни, я посижу.

— За кем последуешь?

— Послежу, не идет ли кто чужой.

Когда я прятала документы, он стоял «на страже». Если кто-нибудь снаружи поднимал крик, — пулей вы- скакивал из дому, чтобы «произвести разведку».

Выполнив такое поручение, он каждый раз был вне себя от радости и долго не мог успокоиться.

— Ты такой неуравновешенный! Чего доброго, дело испортишь, — укоряла я его.

— Мама, почему папа не дает мне задания? — обижено говорил сын. — Если не будет давать, я опять убегу.

— Опять пойдешь в рабочие?

— Я пойду делать революцию!

Наконец Ли-аню дали задание.

Мэй-шэн как-то подозвал его:

— Поручаю тебе отнести очень важное письмо. Не отвлекайся по дороге, не лезь не в свое дело, возвращайся засветло. Знаешь дорогу в Инчжоу?

— Знаю, — кивнул Ли-ань.

Отец назвал адрес и имя человека, к которому нужно было обратиться.

— Если наткнешься на патруль, письмо уничтожь. Нельзя, чтобы оно попало в чужие руки. Куда ты думаешь его положить?

— Нельзя ли положить за тулью шляпы? Дядя Чжао кладет туда.

Дядя Чжао, о котором он говорил, был наш связной. Вчера его арестовали.

— Нет, — ответил отец. — Положи в эту конфету. Если встретишь врагов, съешь ее.

Сын ушел, а меня охватила тревога. На улице так беспокойно, не надо было отправлять ребенка на такое опасное дело. А что, если случится несчастье?

Мэй-шэн, понимая мои чувства, сказал:

— Родная моя, теперь взрослым действовать труднее, к тому же сразу и не найти связного. А письмо нужно доставить во что бы то ни стало...

Но когда Ли-ань не вернулся к ужину, он тоже потерял всю свою выдержку.

— Пойду погляжу на дорогу, — сказала я.

— Подожди, — прервал меня муж, прислушиваясь. —

Кто это так быстро бежит?

Я сразу узнала бег Ли-аня. Наконец-то вернулся!

— Доставил! — не успев зайти в комнату, отработал он, тяжело дыша от бега.

Отец нахмурил брови.

— Ну, расскажи, почему только сейчас вернулся?

— На улице опять человека убили! Запретили проходить. Я пришел окружным путем. Опоздал?

— Опоздал. — Отец налил сыну стакан воды. — Сядь, отдохни.

Ли-ань превратился в настоящего связного. Он ежедневно относил по восьми адресам партийную газету «Дацзянбао» и документы. Я складывала газету в длинные маленькие полоски, заворачивала их

в пояс теплых штанов сына, крепко обвязывала их веревкой и прикрывала ватником.

В декабре холодный ветер пронизывал до костей. Ноги утопали в снегу. Но мальчик несколько раз переправлялся через реку Ханьшуй на ту сторону, в Инчжоу. Сын хорошо ознакомился с рабочим районом, побывал почти во всех домах и стал там самым желанным гостем. Каждый раз, возвращаясь домой, Ли-ань приносил гостинцы братьям и сестрам: конфеты, хворост. Только один подарок он оставил себе: парочку горлинок, которых подарил ему дядя Ван. Горлинки были с коричневыми клювами и желтыми глазками. Ли-ань сплел бамбуковую клетку и повесил ее под карнизом.

Но в следующий раз, толкнув притворенную дверь дяди Вана, он услышал грубый окрик:

— Стой, ты кто такой?

Из угла выскочил незнакомый человек с оружием.

— Я пришел получить деньги за соевый творог...

— Дурак! — Бандит сопроводил свои слова оплеухой. — Кто тебе должен за творог?

Мальчик громко заплакал.

— У меня отец болен! Он велел получить в семнадцатом номере деньги за соевый творог, а ты не отдаешь да еще дерешься!..

— Черт возьми! Ты ослеп, что ли? Это семнадцатый номер! Если сию же минуту не уберешься, я живо пушу тебя в расход!

Ли-ань поспешно улизнул.

Опасаясь новой встречи с врагом, он нашел укромное местечко на берегу реки и спрятал документы. Затем потихоньку вернулся к дверям дома, нарисовал на стене знак тревоги.

— Хорошо сделал! С врагами только так и надо поступать, — похвалил отец, выслушав его рассказ. — Если, паче чаяния, попадешь к врагам в руки, убивать будут — не говори правды, ты ведь связной!

Лицо сына засияло от такого поощрения. Но, подняв голову, он увидел горлинок. Тяжело вздохнул, открыл клетку и выпустил их на волю...

После смерти моего мужа — он умер от кровоизлияния в мозг — соседи смотрели на меня с какой-то особой жалостью.

— Такая молодая и уже вдова! Да еще пятеро ребят. Как они теперь будут жить?

Пользуясь таким положением, я стала брать на дом работу, — так, для отвода глаз. У меня не было времени заниматься шитьем.

Ли-ань подрастал, безделье могло вредно отразиться на нем. Как раз в это время Литографическая компания принимала учеников, и мы отправили Ли-аня учиться ремеслу.

Партийная организация сняла для нас комнату над какой-то угольной лавкой, в другом районе города. При этом мне было сказано, чтобы я держала связь с Лао Чжаном — ответственным работником из Товарищества по оказанию помощи пострадавшим.

Товарищество помещалось в разных местах. Один человек по фамилии Чэнь открыл в Ханькоу рисовый магазин, считался там за хозяина, а моего второго сына, Ин-цзяня, взял к себе в приказчики. Я же осталась в Ханьяни, открыла напротив угольной лавки табачную лавочку. Нам было поручено хранить секретные документы, передавать известия, поддерживать

связь, давать поручительства за товарищей, попавших в тюрьму, хлопотать об их спасении.

Вскоре внезапно арестовали Чэня. Магазин опечатали, Ин-цзян был задержан.

Раз случилась неприятность с Товариществом по оказанию помощи пострадавшим, не могла самостоятельно продолжать свое существование и моя табачная лавка. Но куда ни скрывайся, всюду могли быть предатели. Лао Чжан сообщил мне приказ: немедленно ехать в Шанхай.

Я быстро собрала вещи и передала Ли-аню весть о своем внезапном отъезде.

Сын ничему не удивился.

— Не беспокойся, мама! — сказал он. — С Ин-цзянем, наверно, ничего не случится. — Мы сами сумеем позаботиться о себе. Дай деньги, я куплю тебе билеты на пароход.

Сын всегда был очень внимательным и выдержанным. Я невольно подумала: «До чего же он похож характером на отца!»

* * *

Так вот он какой, Шанхай!

На реке стоят иностранные пароходы с разноцветными флагами. На ослепительных медных вывесках, прибитых к грандиозным зданиям набережной, незнакомые иностранные буквы. Вход на пристань сторожат чужеземные полицейские. Они злобно глядят на прохожих.

Первое, что бросилось мне в глаза, когда я въезжала в город, это плакаты, на которых крупными иероглифами было написано: «Долг каждого — уничтожать коммунистов!»

А с крыши высотного здания фирмы Сяньши, как снежинки, падали вниз листовки.

Да, это бурюющийся Шанхай!

...С помощью Лао Чжана я поступила на фабрику работницей, а Бэнь-вэнь — ученицей.

Утром мы покупали на обед рисовые шарики и уносили их с собой на работу. Двоих младших я оставляла на попечение соседей.

— Мама идет на работу, — говорила я Чжи-хэ перед уходом. — Ты по-хорошему играй с Шуан-линь, не плачь сам и не бей сестренку.

— А если она не будет слушаться?

— Все равно бить не надо.

Ранним утром мы с Бэнь-вэнь уходили на фабрику и допоздна не возвращались домой. После работы дочь ложилась на кровать и охала, жалуюсь на боль в плечах и ногах. Жалобам ее не было конца.

— Мама, я больше не могу! — И она начинала плакать.

Тогда подросткам приходилось работать по 12 часов в сутки. Бэнь-вэнь была маленькой, не доставала до станка и работала, стоя на скамеечке. Когда я смотрела на ее красные опухшие ноги, у меня ныло сердце. Я ходила за кипятком и растирала ей ноги.

— Горюшко ты мое! Какая ты неженка! Как же ты будешь пробиваться в жизни?

Она только плакала и даже во сне продолжала всхлипывать.

Не прошло и месяца, как меня уволили. Мастеру не понравилось, что я медлительна в движениях. Я сожалела об этом не потому, что боялась обнищания, а потому, что рухнула еще одна возможность для ведения партийной работы.

Вечером, задумавшись, поднялась я по лестнице и вдруг замерла как вкопанная: замка на нашей двери не было. «Беда!» Я хотела повернуть назад, но в комнате, наверное, услышали шаги и открыли дверь. Боже мой! Да это же Ли-ань и Ин-цзянь!

Сыновья крикнули: «Мама!» и бросились обнимать меня.

Ли-ань тоже поступил на фабрику. Сперва он работал мальчиком при канцелярии; подметал полы, наливал чай, бегал за кипятком, выполнял мелкие поручения. Но был недоволен.

— Что это за работа? Служить на побегушках! — ворчал он. — Все эти конторщики — просто вешалки для платя. Чуть шелохнется листок на дереве, они уже чихают. Целыми днями разговаривают о том, что где-то крабы превратились в духов. Скука!

Вскоре его послали учеником в цех медных изделий.

— Ха-ха! Вот это здорово! — с гордым видом заявил он дома. — Теперь я настоящий рабочий! Кости ноют от усталости, — все равно приятно. А в перерыв можно и капиталистов поругать, и надсмотрщика подразнить. Вот весело-то!

После ужина Ли-ань вытаскивал замусоленную книжку и прочитывал несколько страниц, иногда брал газету. Если его клонило ко сну, то читал стоя или вслух, чтобы не заснуть.

— Сегодняшний день не прошел даром, — сам с собой разговаривал он, укладываясь на полу. Но вдруг вскакивал, так как вспоминал, что должен был написать письмо по просьбе какого-нибудь неграмотного рабочего.

— Ложись скорее! — не выдерживала я. — Что тебе, жизнь не дорога, что ли?

— Мама, — говорил сын, — обещание следует выполнять, а то получится, что я обманываю людей.

Закончив писать, он сворачивался в клубочек на цементном полу, покрытом дырявой циновкой, и спокойно засыпал. Догадываясь, что Ли-ань болен, я велела ему ложиться на кровать, поменялась местами с кем-нибудь из других детей, но он упрямо отказывался.

— Я старший брат!

Это был самый веский довод.

* * *

Не успели оглянуться, как наступило лето. Однажды к нам пришел Лао Чжан.

— Если тебе дадут задание, возмемься выполнить? — с таинственным видом спросил он.

— Если для партии, возмусь.

— Почти что так... Скажу начистоту. Умерла жена секретаря парткома провинции, осталось двое детей, некому за ними присмотреть. Можешь ты взять их на несколько дней?

— Только и всего? Что же тут невозможного?

— А я было думал, что ты не согласишься, — признался он. — У тебя у самой пятеро детей...

— Вот тоже, нашел о чем говорить! Я буду присматривать за его детьми, а он будет все силы отдавать работе. Ведь это тоже польза для революции.

Летом в Шанхае часто бывают грозы. В сумерки, едва только перестал ливень, ко мне в комнату проскользнул человек в китайском халате. На руках у него было двое детей. Это и был секретарь парткома провинции Цзянсу товарищ Хэ Мэн-сюн.

— Сестрица Мэй, сколько тебе хлопот доставляем! — церемонно обратился он ко мне, укладывая детей на кровать.

— Ведь мы все свои. Ни о каких хлопотах не может быть и речи. Я давно хотела работать для партии. Хоть и мало что могу сделать, но делаю это от чистого сердца.

— Я давно слышал о тебе от товарища Лун Да-дао. С кучей ребят быть всегда готовой работать для партии — это не просто!

За окном прогремели раскаты грома, и опять хлынул ливень. В это время вернулся Ли-ань. Вода с него текла ручьями.

— Мама, я увольняюсь с работы! — с порога закричал он. Но тут же, увидев товарища Хэ Мэн-сюна, с улыбкой сказал: — Можете не говорить, я сам знаю, кто вы такой!

— Ишь какой приткий! — рассмеялся товарищ Хэ Мэн-сюн. — Оказывается, ваш Ли-ань ясновидящий!

— А вы откуда знаете, как меня зовут? — удивился Ли-ань.

— Ну и дырявая у тебя память! Ты приносил мне газету «Дацзянбао», забыл?

— Ну нет, если я кого хоть раз увижу, преврати его хоть в пепел, и то узнаю! — сказал Ли-ань. — Это вам мама сказала мое имя.

Меня они тоже сбили с толку. Хорошенько поразмыслив, я поняла, что все подробности о нашей семье секретарю парткома сообщил Лун Да-дао. Ли-ань же не мог понять, в чем дело, и приставал с расспросами. Такой уж у него был характер: пока не добьется полной ясности, ни за что не успокоится.

— Ты лучше сначала расскажи, почему бросил работу, — ответил товарищ Хэ Мэн-сюн.

— Можно лопнуть от злости! — сразу вспыхнул Ли-ань. — Сегодня в полдень подходит надсмотрщик и посылает меня за сигаретами. Я ему говорю: «Подожди, я обедаю». Он чуть до потолка не подскочил: «С чего это ты такой храбрый? Тебя посылают, а ты с места не двигаешься!» А я говорю: «Я голодный. Что же, даже поесть нельзя? И вообще я тебе не слуга». А надсмотрщик как закричит: «Ты еще дерзить будешь! Штрафую тебя на четыре цзяо!» А я в ответ: «Может, четыре цзяо маловато? Я и в день-то их не зарабатываю!» «Хорошо же, — говорит он, — за каждое слово четыре цзяо штрафа!» «Подсчитывай, — говорю, — штрафуй себе на здоровье, а моя милость больше не желает работать!»

Он рассказывал громко, в лицах, будто играл на сцене.

— На связного ты не похож, скорее на оратора смахиваешь! — заметил товарищ Хэ Мэн-сюн. — Но поступил правильно. Надо им показать, что почем!

Дождь все еще лил не переставая. В окно была видна улица, превратившаяся в реку. Мы предложили гостю остаться переночевать. Он согласился. Ли-ань вне себя от радости поспешно начал стелить на полу постель. Воспользовавшись этим моментом, товарищ Хэ Мэн-сюн тихонько шепнул мне:

— Сестрица Мэй, какая ты скупая! У тебя такой толковый сын, а ты до сих пор не отдаешь его партии!

— Как! Неужели ты можешь взять его с собой? — радостно спросила я.

— Завтра же и уведу. Если не согласишься, украду! Он будет хорошим бойцом.

Как это хорошо! Ведь Ли-ань и так принадлежит партии!

Вскоре товарищ Хэ Мэн-сюн увез своих детей к своему старшему брату.

— Вы должны работать больше для партии. Не могу я вас обременять своими личными делами, — сказал он.

После этого меня направили в профсоюзную организацию района. А через месяц перевели в секретариат Центрального Комитета комсомола Китая. В том же году я вступила в партию.

Учреждение секретариата помещалось в одном из красивых особняков английской концессии. На территории иностранных концессий не проверяли домовые списки, и хозяин не обращал внимания на то, откуда вы приехали и кем работаете, — лишь бы ему платили деньги. Мы с Чжи-хэ и Шуан-линь переселились на эту квартиру.

Подпольная дисциплина не позволяла трем старшим детям навещать мать, но вести о них часто долетали до меня.

Ли-ань жил вместе с товарищем Хэ Мэн-сюном в райкоме. Ин-цзянь — в нашей типографии. Бэнь-вэнь на текстильной фабрике. Но они поддерживали между собой тесную связь. Ли-ань часто привлекал их к участию в революционной работе, поручал им разные задания.

Мне было известно, что братья вместе выходят на улицу и пишут мелом лозунги. Первый пишет один иероглиф, а второй в это время пишет другой. Таким образом, пройдясь раза два взад и вперед, они успевали написать целый лозунг: «Долой палача Чан Кай-ши!»

Зная, что сестра слишком молода и несамостоятельна, старший брат нашел для нее «няню» — комсомолку Чжу Сань-мэй, которая работала вместе с Бэнь-вэнь на одной фабрике. Когда связной, маленький Лю, рассказал мне об этом, я от всей души обрадовалась: как все это тонко получается у моего Ли-аня!

Жестокая борьба не изменила его жизнерадостный характер. Он только немножко похудел и загорел. В черной, туго обтягивавшей его школьной форме, он казался худеньким и маленьким. Ли-ань вступил в комсомол, все время был среди рабочих. Часто переходил из района Пудун в западный район Шанхая. Из Чапая добирался до Наньши, раздавал рабочим подпольные брошюры. Почти на всех больших заводах у него были друзья.

Эти коротенькие весточки доставляли мне немалое утешение. Каждый шаг моих детей словно происходил перед моими глазами.

За два года подпольный секретариат не был обнаружен и ему не пришлось менять место.

Мы удачно замаскировали от врагов нашу нелегальную квартиру. При входе и выходе из нее соблюдались строжайшие правила. Для посторонних я была женой военнослужащего, и если соседи спрашивали,

я говорила, что мой муж — адъютант командующего девятым корпусом, сейчас находится в своем гарнизоне в другом округе. В мешке для писем, висевшем на стене дома, всегда было воткнуто несколько осенних конвертов.

К счастью, кроме сборщиков платы, никто к нам не заходил и не нарушал покоя «нашей семьи».

Как-то раздался звонок.

Чжи-хэ сразу прислушался, чтобы расслышать установленный сигнал.

Боевая жизнь научила даже маленького ребенка разбираться в том, кого нужно остерегаться.

— Свои, мама. Открыть черный ход?

Дверь черного хода приотворилась, и протиснулся маленький Лю.

— Я вам привел редкого гостя! — сказал он радостно.

Вслед за ним вошел молодой человек. Не успела я разглядеть, кто, как он уже обнял меня.

— Мама!

— Боже мой! Да ведь это Ли-ань!

Чжи-хэ запрыгал от радости.

— Брат, брат!

На Ли-ане был синий ватный халат, а ноги обуты в черные ботинки. Он уже на голову выше меня, бодрый, веселый.

— Где же ты находился больше полугода? Никак тебя было не найти...

— Был я очень далеко! В Москве, — радостно объявил сын, — участвовал в международном слете молодых рабочих.

— В Советском Союзе? Почему же мне не сообщил?

— Я хотел прийти, — признался Ли-ань, — уже дошел до переулочка, но потом повернул обратно. Мне ведь не положено без разрешения приходить сюда, а просить других передать тебе эту хорошую новость не хотелось...

Я поставила ему топчан возле окна, постелила постель.

— Мама, — сказал умоляюще Ли-ань, — потеснимся немного. На одной кровати теплее будет и поговорить удобнее.

Я улыбнулась в душе, — совсем еще ребенок!

Это было его первое возвращение домой после приобщения к революционной работе, несмотря на то, что жили мы в одном городе.

Разговор наш затянулся за полночь.

— Мама, меня уже приняли в партию, — шепнул сын.

— Значит, ты должен предъявлять к себе такие требования, какие указаны в уставе коммунистов, — сказала я. — Но ты, я вижу, все еще такой же наивный.

— Ты говоришь про то, что люблю пошалить? Хочу измениться, а все как-то не выходит...

Но в глубине сердца я радовалась его оптимизму. Несмотря на тяжелую борьбу, он никогда не терял бодрости духа. Революция как раз и нуждается в таких характерах.

Сын рассказал, что после возвращения из Советского Союза его выбрали членом комитета комсомола провинции Цзянсу. Кроме того, он еще заведует отделом по работе среди молодежи в шанхайской профсоюзной организации.

Рассказав об СССР не было конца.

— Мама, ты меня слушаешь? — спрашивал Ли-ань, если я медлила с ответом. — В Советском Союзе рабочие и крестьяне — хозяева страны. Там нет безработных, земля принадлежит народу. Мы должны освободить нашу Родину, сделать, чтобы она была такая же, как Советский Союз.

— Рано или поздно такой день наступит, — он помолчал немного, как будто подсчитывая сроки. — Максимум через восемь-десять лет.

— Когда революция одержит победу, твоя мать уже ходить не сможет, — сказала я.

— Тогда пойдешь в дом для престарелых, — ответил он так, как будто этим делом ведал лично.

Дом для престарелых! Наши товарищи, преследуемые врагами, вели скитальческую жизнь. Им было нечем платить за ночлег, приходилось ночевать на вокзальных скамьях. Они жертвовали всем, терпя страдания и лишения, чтобы создать счастливое будущее для своих потомков.

— Мама, послушай, — снова сказал Ли-ань. — В Москве поместили мою статью в газете!

Помолчав немного, он потряс меня за плечо.

— Мама, ты уже заснула?

— Говори, я слушаю!

— Нет, мама, я просто так. Мне нравится звать тебя...

В июле 1930 года Красная Армия взяла Чанша, город, где я родилась и выросла. В августе наша армия приблизилась к Наньчану. Иностранцы, напуганные событиями, разбежались. Зимой Чан Кай-ши собрал семь дивизий и предпринял «первый поход» на центральные советские районы. Но эти дивизии были наголову разбиты.

«Ну вот вы, изверги, и дожили до такого дня!» — с ненавистью думала я. За все прошлые годы я только и видела, как убивали и сажали в тюрьмы моих товарищей, переживала всю тяжесть смерти родных и, наконец, теперь мне довелось увидеть позорную гибель врага.

Рабоче-крестьянская Красная армия под руководством партии становилась все сильнее и сильнее. Красные

базы появились повсюду: в провинциях Цзянси, Фуцзянь, Аньхой, Хэнань, Шэньси, Ганьсу, Гуанси и на острове Хайнань. Коммунистическая партия приняла решение: созвать первый Всекитайский съезд рабочих и крестьянских депутатов, создать свою власть — Центральное рабоче-крестьянское демократическое правительство Китая. Ли-ань сообщил мне, что, может быть, поедет на этот съезд.

Чан Кай-ши перебросил двухсоттысячную армию, чтобы провести «второй поход» на центральные советские районы.

В эти дни Ли-ань, Хэ Мэн-сюн, Линь Юй-нань, Ли Цю-ши, Лун Да-дао, Ху Е-пин, Фэн Кэн, У Чжунвэнь и другие товарищи — всего около тридцати человек — перед отъездом в советские районы собрались в Шанхае в гостинице «Юаньдун» («Дальний Восток»). Гостиницу окружили полицейские и войска местного гарнизона. Все товарищи были арестованы.

Когда связной Сяо Лю сообщил мне эту горестную весть, меня как будто обухом по голове ударило. Я долго не могла произнести ни слова. Но ненависть придала мне мужество.

— Сообщи Ин-цзяню, — сказала я Бэнь-вэнь, — что старший брат арестован. Пусть не ходит к нему на квартиру.

Ночью я не могла уснуть, все ворочалась и вздыхала.

— Мама, — поднялись на кровати Бэнь-вэнь и Чжи-хэ, — тебе нездоровится?

— Нет, спите!

управление Шанхая. Из Нанкина, где находилась ставка Чан Кай-ши, пришла директива: «Всем — расстрел на месте».

Арестованные были подвергнуты жесточайшим пыткам — от истязаний дымом и огнем до современной пытки электричеством. Но ни один из них не дал показаний.

Ходило еще много разных слухов, но точных известий получить не удалось.

Я не находила себе места. Нельзя было идти наводить справки, так как моя работа не позволяла мне обнаружить себя. Каждый день я трудилась не покладая рук, не чувствуя ни голода, ни жажды.

Пришел Сяо Лю.

— Есть еще небольшая надежда. Организация принимает все меры, чтобы спасти их.

— Разве это поможет! — покачала я головой. — Если попал в лапы врага, живым оттуда не вырваться! Но в сердце своем никак не могла смириться с этим приговором.

— Матушка Тао, успокойтесь, — умолял Сяо Лю. Ему тоже было очень тяжело.

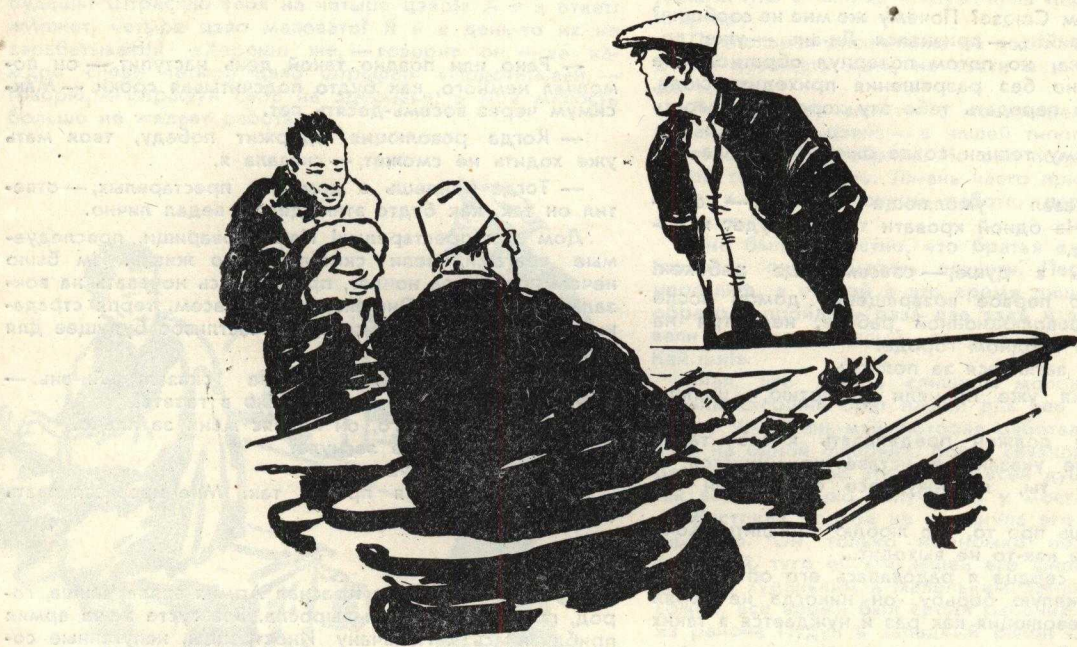
Я вытерла слезы.

— Ничего от меня не скрывай. Говори все, как есть! Я вынесу!

— Они держались очень хорошо...

...Во время допросов мой Ли-ань перенес самые жестокие пытки, но не дал никаких показаний. Он повторял:

— Меня зовут Ян Го-хуа, пришел в гостиницу

— Мама, ты беспокоишься за брата?

— Дети не должны вмешиваться в дела старших, — строго сказала я, но слезы закапали на подушку.

На второй день спозаранку я купила все газеты, которые выходили в городе, чтобы хоть что-нибудь узнать. Напрасно, — в газетах не было ни намека. Чанкайшистская клика, боясь вызвать массовый протест, скрывала все, что имело отношение к этому делу.

Потом я узнала, что арестованные недолго просидели в участке. Их передали в главное полицейское

«Юаньдун» к другу моего отца. Больше мне нечего сказать.

Враги устроили очную ставку.

— Его зовут Оуян Ли-ань, — сказал предатель. — Он заведующий отделом по проведению работы среди молодежи Шанхайского совета профсоюзов и член обкома комсомола провинции Цзянсу. У них вся семья — коммунисты...

— Подлец! — крикнул сын.

— Так, значит, ты признаешь, что ты Оуян Ли-ань,

коммунист? — с самодовольным видом спросил следователь. — Что ты еще можешь сказать?

— Хочешь послушать? — с презрением сказал сын. — Могу сказать одно: китайская революция обязательно победит, чанкайшистам рано или поздно бу-

затворы шанхайской комендатуры, и гоминдановские бандиты с фонарями в руках ворвались в камеру.

Главарь, держа в руках список, хрипло прокричал: — Хэ Мэн-сюн! Линь Юй-нань! Лун Да-дао! Оуян Ли-ань! Ху Е-пин!..

дет конец! Да, я член Коммунистической партии! Я умираю за идею, за народ, умираю без сожаления!

— Ты еще молод, жалко будет, если умрешь, — лицемерно сказал враг. — Я хочу освободить тебя, если только...

— Напрасно стараешься, ничего не добьешься, — решительно и сурово отрезал мой сын.

В глухую снежную полночь раскрылись железные

Их повели на северо-запад. Пушистыми хлопьями падал снег. Двадцать три товарища были прикованы к одной железной цепи. Они, босые, шли по зимнему полю.

У берега замерзшей реки бандиты крикнули «стой» и взяли ружья наизготовку.

Товарищи поняли, что наступила минута последнего боя. Они подняли наручники, ударили ими врагов и запели «Интернационал».

КИТАЙСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

Даже самой высокой горе не заслонить солнца.

Дров больше — пламя выше. Людей больше — решение вернее.

Нет горы, через которую нельзя перейти.

Самое длинное путешествие начинается с первого шага.

Умный говорит делами, глупый болтает языком.

Мудрый смело исправляет свои ошибки, а глупый боится даже признать недостатки.

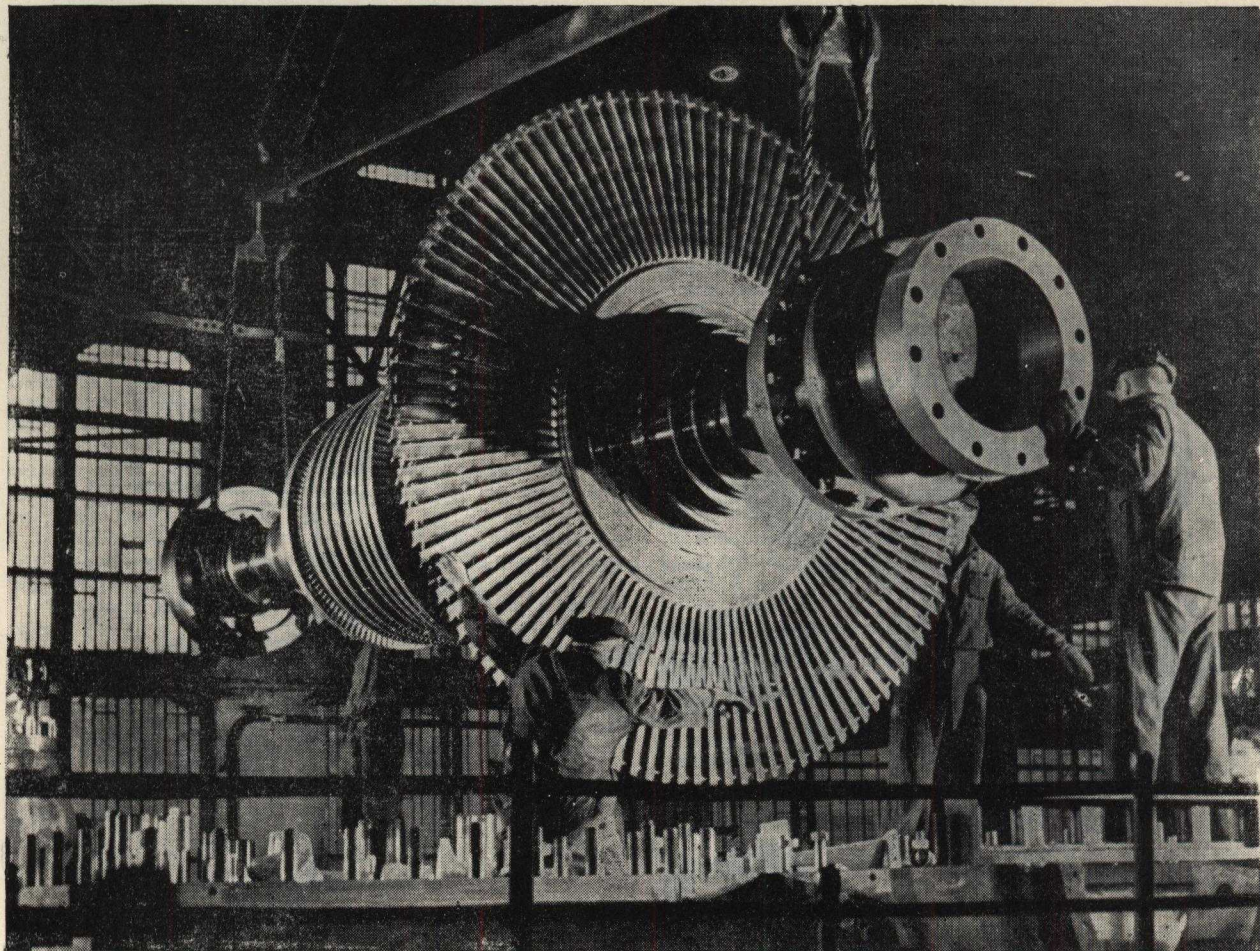
Не бойся продвигаться медленно, бойся стоять на месте.

Можно быть скромным, не будучи мудрым, но нельзя быть мудрым, не обладая скромностью.

Большая река течет медленно, умный человек говорит не торопясь.

Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

НИЗВОДНОГО ПЛАНА ВРАЩАЮТ НАТОВАЛД ЛУНО, ПЛАДЕР — ВОДНОЕ СТОИМОСТЬ ДОСЕН ВЕ СЕДЕН ВЕ ОБАКМУ Р
УМЕНШЕНИЕ ОП НАШ ВЕДНОСТЬ ЛУНО ПОНОВИТЕЛ БОКОВО И

Испытательный стенд Ленинградского Металлического завода. Сборка паровой турбины закончена. Осталось проверить ее в работе, отрегулировать окончательно, упаковать, — и машина отправится в далекое путешествие.

Такой же дальний путь предстоит и металлорежущим станкам, рожденным в цехах завода имени Свердлова. Взгляните на адрес, написанный на контейнере. Четко, крупными буквами выведено: «КИТАЙ».

Крепкая дружба связывает тружеников-ленинградцев с труженниками Китайской Народной Республики.

Дружат наши рабочие. Дружат инженеры. Дружат ученые. Сотрудница Института токов высокой частоты Татьяна

Ленинград и Китай

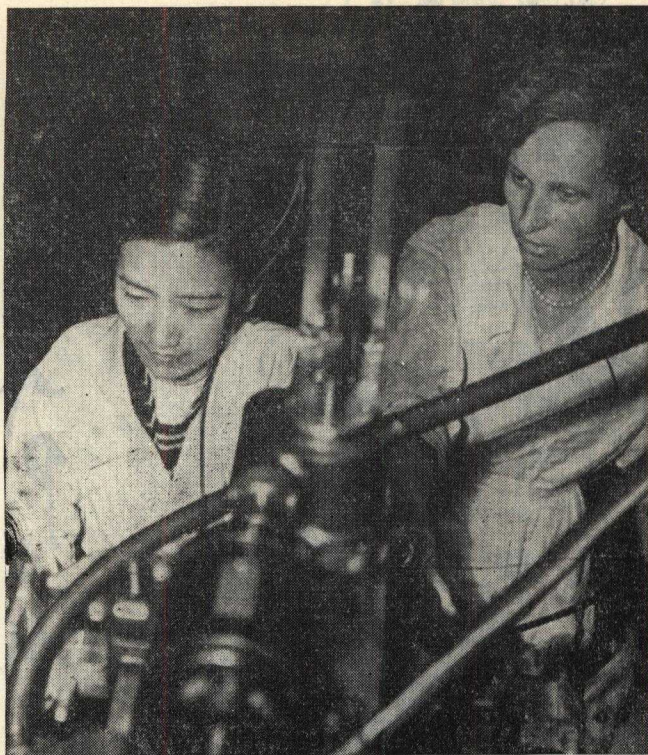

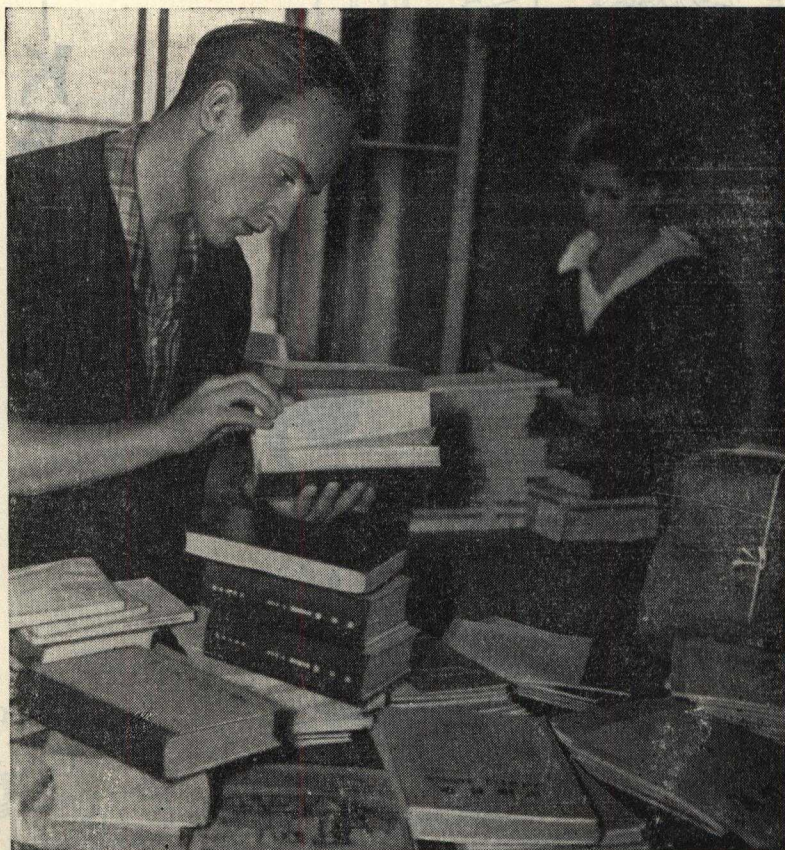
Фото Б. Уткина

Балуева рада поделиться опытом с китайским инженером Чэн Су-хуа.

В библиотеку Академии наук ежедневно приходят груды бандеролей в испещренной иероглифами обертке.

Далеко от Невы до Янцзы. Но дружба не боится расстояний. И недаром на знамени, которое металлурги Уханьского комбината вручили машиностроителям Невского завода имени Ленина, алым шелком горят слова:

«ДА ЗДРАВСТВУЕТ
ДРУЖЕСТВЕННОЕ
СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ
КИТАЕМ И СОВЕТСКИМ
СОЮЗОМ!»

Лу Цзян

Рисунки А. Скалозубова

В

СПАРОМ

ПАРКЕ

Сверкал июльских трав ковер,
светило солнце ярко.
Вели
два друга
разговор
в пекинском старом парке.
Про самолеты, корабли,
загадки стратосферы,
гуляя,
разговор вели
два друга-пионера...

— А, знаешь, что? —
сказал один
у мостика горбатого. —
Я не пекинец. Мы в Пекин
приехали с ребятами.
На первый пионерский слет,
всей школой,
всей дружиною ...
А где живу я, —
лес растет
под горною вершиною.
На перевалах там
луга
в густой траве,
безбрежные ...
Снег на вершинах ...
Облака
над ними
белоснежные ...

Другой —
морской костюм на нем,
и чуть повыше ростом он —
сказал:
— А мы с отцом живем
на Крымском полуострове.
Трава там тоже зелена
на перевале горном,
и бьет зеленая волна
о берег
в море Черном.

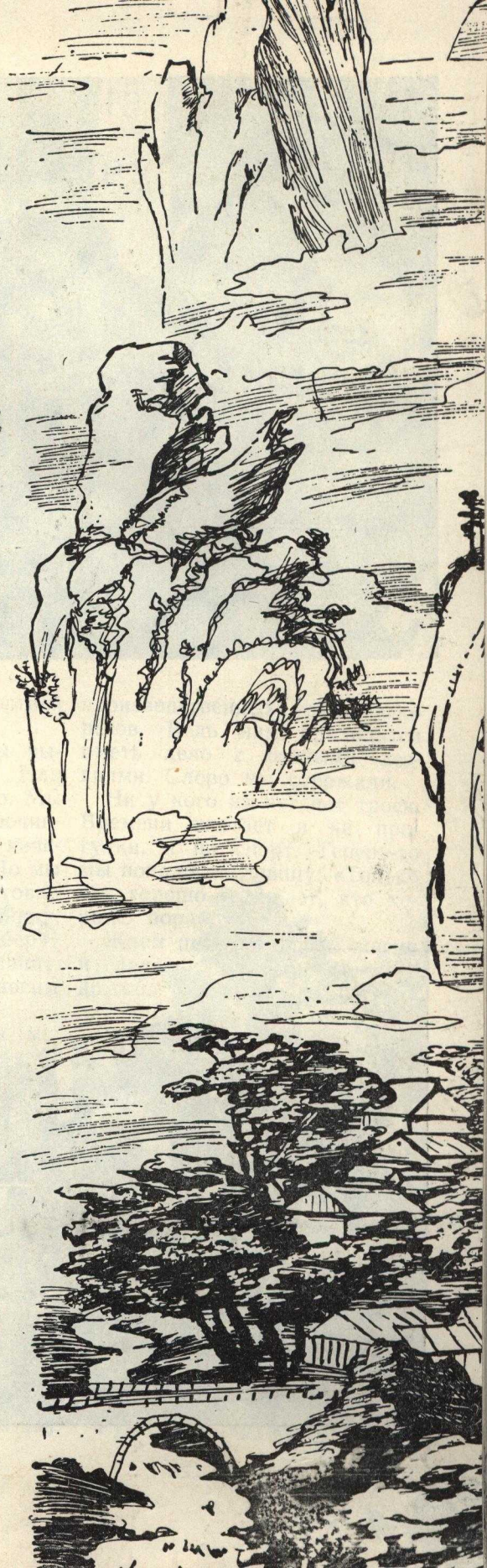

Гора над этою волной
лежит большим медведем...
Вот
кончит стройку папа мой —
мы внозь туда уедем.

— Приедешь — Расскажи про слет,
про нас
и о доверии,
с каким относится народ
к китайской пионерии.
Ведь в наших школьных мастерских
станки стоят фабричные,
и выпускаются на них
изделия отличные.
Скажи:
за друга мы горой
стоим всегда отчаянно.
А Павка ваш —
и наш герой,
все знаем мы Корчагина.
Скажи:
в Китае говорят,
и это
как пословица:
„Пекин Москве навеки брат,
как брат Шанхаю Ленинград,
и дружба эта во сто крат
еще сильнее становится!...“

Сверкал июльских трав козер,
светило солнце ярко.
Вели
два друга
разговор
в пекинском старом парке.
Дорожки из конца в конец
прошли среди народа.
Китайской Армии боец
им встретился у входа.
Он обернулся на ребят,
сойдя с дорожки узкой, —
те по-китайски говорят
и говорят по-русски...
Он их послушал
и уже
готов идти был следом...
Бойцу, как видно, по душе
пришлась
ребят
беседа.

Перевел В. Торопыгин

Твои РОВЕСНИКИ

Любое путешествие увлекательно. Но поездка к друзьям, у которых никогда еще не был, — целое событие.

Пионеры Читы — делегация нескольких школ города — совершила такую поездку в город Хайлар (Внутренняя Монголия). Ребята пригласили на празднование десятилетия пионерской организации Китая.

Встреча была радостной, ребята подружились и всюду ходили вместе.

На прощанье сфотографировались. Вот они на снимке: смеющиеся, счастливые — друзья на всю жизнь!

Около ста различных кружков в шанхайском Дворце пионеров. Это такие же кружки, как те, где занимаетесь вы и ваши товарищи. Есть кружки на любой вкус, но... это всем известно.

А вот приходилось ли вам слышать о метеорологических станциях, организованных пионерами?

В Шанхае есть такая станция. Она называется — «Красный галстук». Юные метеорологи подсчитывают, сколько осадков выпадает за день, ведут дневники, учатся предсказывать погоду.

Занятия проходят интересно. Посмотрите, как сосредоточенно слушают ребята свою руководительницу.

ТРИ ПИСЬМА ИЗ СТРАНЫ ТВОИХ ДРУЗЕЙ

Дорогие советские пионеры!

Все ребята нашей школы шлют вам горячий пионерский привет.

В 1958 году наша страна выплавил 11 080 000 тонн стали. Мы сразу далеко шагнули вперед. Каждый день в стране выпускалось столько продукции, сколько прежде за двадцать лет.

Мы в своей школе создали маленький завод и хотим вам об этом рассказать. Пионер Фэн Цзя-гуан первым предложил на уроках труда делать полезные вещи. Все поддержали предложение и выбрали Фэна директором будущего завода.

Год назад, в сентябре, мы приступили к постройке завода. На школьном дворе выросло новое помещение. Раздобыли инструмент, нашли рабочих-учителей, которые согласились научить нас обращаться с инструментом.

Пока не было построено помещение, некоторые ученики относились ко всей этой затее недоверчиво. Но Фэн умел

всех заразить своей энергией и верой в победу.

Не подумайте, что мы выпускаем сложные вещи. Или что у нас все шло гладко. Мы делаем кухонные и перочинные ножи. И хорошего качества добились не сразу. Но мы гордимся тем, что наш товар не залеживается в магазинах, и покупатели охотно берут ножи с нашей маркой. Значит, своим трудом мы приносим пользу людям.

При постройке завода мы дали слово, что у нас не будет

производственных травм — порезов. Ведь нам приходится иметь дело с острыми лезвиями. Слово мы сдержали.

Ни у кого из нас нет троек. Времени хватает и на прогулки, и на спорт. Теперь-то мы поняли пословицу: «Только тот хорошо отдыхает, кто хорошо поработал».

Ждем писем о вашей жизни и делах. Верим, что наша дружба будет нерушимой, как дружба наших народов.

Желаем вам счастья.

С горячим дружеским приветом коллектив краснознаменного завода № 39 начальной школы города Шэньяня.

Дорогие советские ребята!

Когда мы узнали, что советская искусственная планета стала спутником Солнца, мы очень обрадовались. Теперь всем понятно, что ветер с Востока сильнее ветра с Запада.

Мы, китайские ребята, не

хотим от вас отставать и тоже увлекаемся техникой.

В ноябре прошлого года наш директор, вернувшись из Пекина, рассказал, что во всех школах создаются отряды «передовиков науки». Члены отрядов помогают лаборантам,

делают точные приборы для школьных кабинетов.

Мы организовали в классе свой радиокружок и все в него записались. Стали изучать конструкцию простейшего приемника и учиться его собирать.

Руководил кружком ученик

старшего класса. Он очень хотел получше все объяснить, но нам было трудно, — ведь мы были только в четвертом классе. Мы ничего не поняли в схеме, запутались в латинских буквах.

После второго занятия кружка пришлось созвать классное совещание. На нем решили разбиться на две группы. Одна группа взялась за схему, другая стала разбирать законы взаимодействия деталей. А потом группы обменялись знаниями.

Теперь мы умели собирать приемники, но у нас не было материалов. Мы не унывали. Кружок взял девиз: «Для науки нет трудностей» и оправдал его.

Мы раздобыли все необходимое и собрали первый приемник.

Не знаем, понравилась ли вам эта история. Мы очень хотим получить от вас по-

дробное письмо о вашей жизни в школе и дома. Давайте начнем переписываться и крепко дружить.

С нетерпением ждем ваших писем.

Ученики шанхайской средней школы Восточного района.

Дорогие друзья!

Сейчас наши народы переживают период «Большого скачка». У вас Семилетка, у нас — призыв обогнать Англию.

Под руководством Коммунистической партии наша страна одержала большие победы. Китай во многом уже обогнал Англию, и сейчас, когда наши родители делают так много, мы не хотим от них отставать.

Наша школа напоминает завод. Да она и есть школа-завод. На классных дверях таблички: «Маслобойный цех «Первое мая», «Переплетный цех «Ветер с Востока» и другие. Заработанные нами деньги мы передали в сельскохозяйственный кооператив на покупку трактора. На каникулах собрали урожай хлопка с площади в 225 гектаров. Соревновались, чье звено уберет больше хлопка и сделает это лучше.

Работа не мешает нам в социалистической стране. То, чему мы сейчас учимся, для вас пройденный этап. Поделитесь с нами опытом! Расскажите, как вы готовитесь стать жителями коммунизма.

Все ученики начальной школы района Дасин города Пекина.

НОВЫЕ КОРАБЛИ КИТАЯ

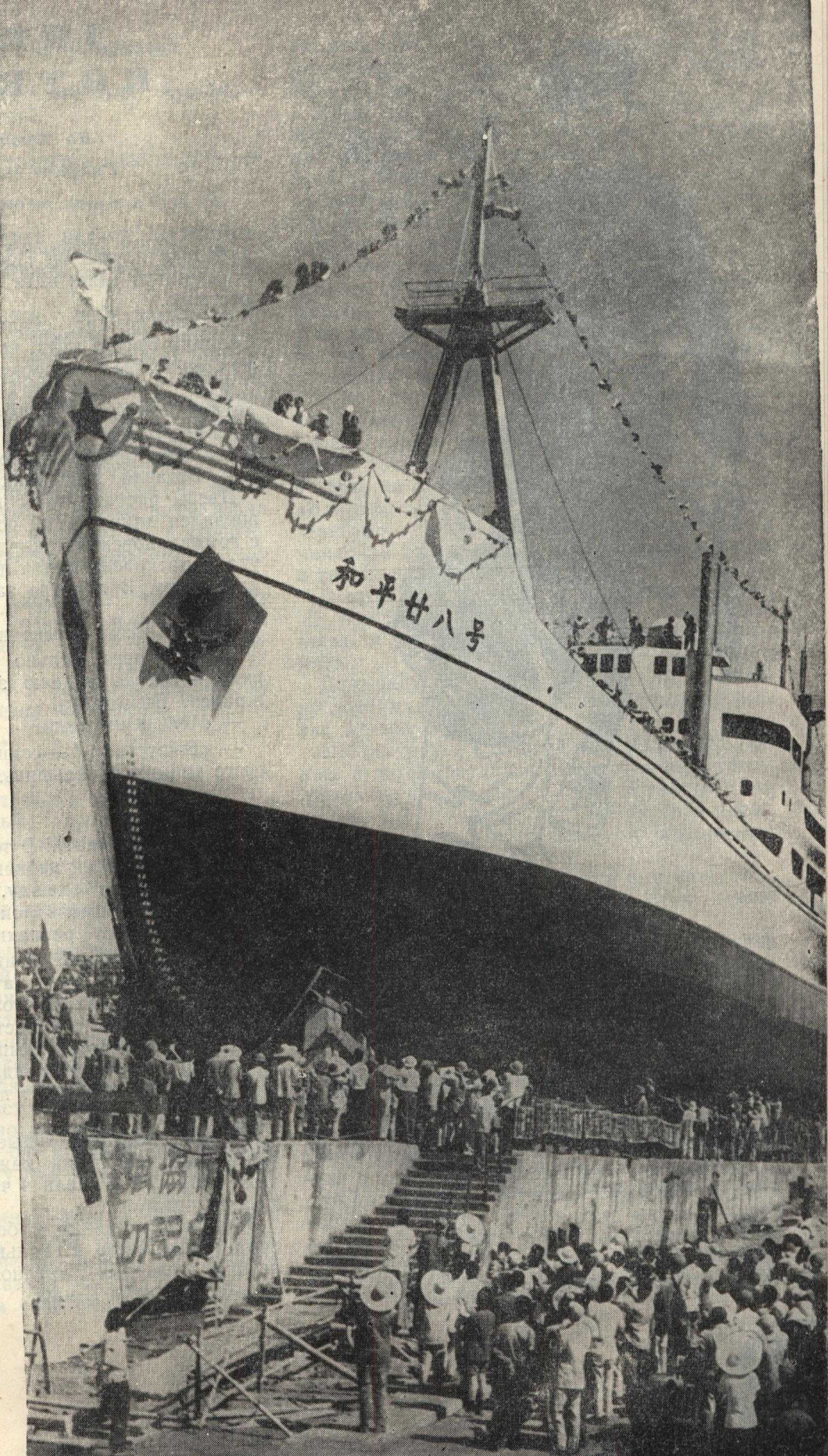
Какие корабли можно увидеть у китайских пристаней? Несколько лет назад каждый бы ответил не задумываясь: «Джонки, баржи, похожие на пагоды, императорские лодки-драконы».

А недавно мы получили из Китая эту фотографию: океанское судно «Мир-28» сходит со стапелей Дальнинской судовой верфи. Три с половиной месяца трудились рабочие и инженеры, соревновались с Цзянаньским заводом, где строился родной брат «Мира-28» — «Мир-25». Может быть, вы решите, что это долго? Но такие корабли как «Мир-28» в Англии строят полгода.

С 1952 года в Народном Китае начало развиваться отечественное судостроение. Построены новые судовой верфи — в Циндао, Тяньцзинь, Кантоне. По-новому оснащаются заводы в Шанхае и Дальнем, где китайские судостроители работают вместе с советскими специалистами. Эти заводы стали школой новой техники.

Уже построены грузовые, пассажирские суда типа «Демократия» и знакомые нам «Мир-28» и «Мир-25». За небывало короткий срок, в 58 дней, собран огромный океанский корабль «Скачок».

А как же лодки-драконы? Императорская лодка давно сдана в музей. Но в Пекинском парке есть в точности такие же «драконы». В дни праздников на них катаются дети и взрослые.

ДИКИЙ КОТЕНОК

Но Чжэнь-минь

Рисунки Н. Лямина

Худенький мальчик, закутанный в лохмотья, съезжился на полу камеры в полицейском участке. Его арестовали по подозрению в карманной краже. На допросе он нагрубил офицеру, и вот уже шестой день сидит в карцере. В небольшое решетчатое окно у самого потолка видны стайки птиц, глубокое голубое небо и маленькие белые облачка, медленно плывущие куда-то вдаль. Но пленнику все безразлично, безразлично с тех пор, как чан-

кайшисты угнали отца в солдаты, а мать заболела и умерла. После ее смерти оставалось только одно: идти на улицу, просить милостыню.

Он не помнит, сколько исколесил дорог. Сначала считал ночи, проведенные на тротуарах, но их было так много! Не сосчитать.

Кто-то назвал его «Е-мао», что означает «дикий котенок». Прозвище подхватили приятели-беспризорники, он стал откликаться, и постепенно оно заменило ему имя.

— Вставай, разбойник!

Дверь распахнулась, и на пороге камеры появился длинноногий полицейский. Фуражка с гоминдановской кокардой съехала на левое ухо, а покрасневшее лицо блестело каплями пота. В карцере запахло винным перегаром.

— Что? Есть? — вскочил Е-мао.

— Хе! — презрительно бросил полицейский. — Целую неделю здесь и еще не нажрался? Выметайся!

— Меня выпустили?

— «Выпустили!» — сонные глаза полицейского широко раскрылись. — Велено отправить тебя в приют!

— В приют?

— Да еще в какой! В тот, что открыли американцы при своей церкви! Там сразу заулыбаешься — дадут одежду, учить будут, кормить! Ха-ха, прямо в рай попадешь! — Полицейский широко распахнул дверь: — Пшел!

...Попечительницей приюта была госпожа Хелман — худая, сутуловатая старуха в больших роговых очках. За толстыми стеклами ее глаза казались неестественно огромными. Обычно она медленно вышагивала по дорожкам сада, искоса поглядывая по сторонам, наблюдая, как работают приютские воспитанники.

У детей бледные, худые лица. Все наголо острижены, на груди каждого крест. Е-мао тоже остригли и одели в черный балахон, нацепили крест...

Монахиня-китайка в белой пелерине указала Е-мао место в спальне. Как только она вышла, плотный красноносый мальчик — Хун-би окликнул Е-мао:

— Хэй! Новенький! Как тебя звать?
— Е-мао.
— Дикий котенок! — загоготал Хун-би, —
А почему не Дикий пес?
Все вокруг засмеялись.
— Это тебя стоит назвать диким псом! —
обиделся Е-мао.
— Меня? — угрожающе спросил Хун-би.
— Да, тебя!
— Чего ты с ним возишься? Всыпь ему! —
сказал один из мальчиков. — Это же «Дикая
кошка»!

В приюте все боялись Хун-би, но Е-мао не
боялся нападения. Недаром его прозвали
«Диким котенком». Хун-би не успел замах-
нуться, как зубы Е-мао впились в его ухо.

В одно мгновение приятели Хун-би накинು-
лись на новичка. Е-мао царапался, кусался,
лягался. В комнате стоял невероятный шум,
грохот опрокидываемых табуреток. Когда
прибежала воспитательница, Хун-би одной
рукой держался за ухо, а другой размазывал
по лицу слезы. Е-мао молча стоял в стороне.

Известие о храбрости новенького быстро
облетело весь приют.

— Давай будем дружить! Меня зовут
Ма Фу-си, — сказал один мальчик Е-мао и,
опустив глаза, добавил: — Как ты не испу-
гался?

— А чего бояться? Я даже полицейских не
боюсь, — просто ответил новичок.

* * *

Е-мао грелся во дворе на солнышке, когда
госпожа Хелман подозвала его.

— Ты, несчастный, прогневил господу
бога, — сказала она, — поэтому должен рабо-
тать каждый день на два часа больше, чтобы
искупить свою вину...

Монахиня в белой косынке молча отодрала
Е-мао за ухо.

Стиснув зубы, чтобы не заплакать, мальчик
побрел к мастерской.

У госпожи Хелман было правило: обед по-
лучает только тот, кто выполнит дневное зада-
ние; одни воспитанники клеили спичечные
коробки, а другие сколачивали ящики. Норма
была одинакова для маленьких и больших,
поэтому малыши часто оставались без обеда...

Е-мао не нравилось в приюте, но миска
похлебки, которую он получал, удерживала
его от побега — ему так надоело попрошай-
ничать!

За день воспитанник должен был сделать
шесть-семь ящиков. Е-мао сколачивал более
десятка. Прошел месяц. Как-то перед сном
воспитательница сказала: «Дети! Я сняла за-
мечание с Е-мао, а если он и дальше будет

так работать, то получит благодарность. Тому,
кто трижды заслужит благодарность, госпожа
Хелман подарит мячик».

Ма Фу-си — друг Е-мао — не занимался тя-
желой работой. Так пожелала попечитель-
ница, которой понравились его светлые во-
лосы. Светлые волосы у китайчонка — ред-
кость, и госпожа Хелман, найдя, что мальчик
похож на американских детей, решила воспи-
тать его «в американском духе».

По воскресным дням в церкви госпожа Хел-
ман или монахиня Канмини читали проповеди.
Каждая проповедь начиналась одними и
теми же словами: «Господь бог очень жалеет
бедных китайских сирот. Он послал нас, аме-
риканских женщин, спасти вас...»

В воскресенье на обед воспитанникам да-
вали маленький кусочек рыбы или квадратик
мяса с кашей. Прежде чем начать есть, все,
стоя с закрытыми глазами, должны были по-
вторить за дежурной сестрой слова молитвы:
«Благодарю тебя, господи, за еду, тобой по-
сланную». Потом пели гимн богу, а когда
монахиня говорила «аминь», открывали глаза
и садились за стол.

В этот день Е-мао был особенно голоден.
Не дождавшись конца молитвы, он открыл
глаза и жадно схватил с блюда кусочек
мяса.

Дежурная монахиня оборвала гимн на по-
луслове и крикнула: «Аминь! Выплюнь сей-
час же мясо!»

На секунду в столовой воцарилось молча-
ние, а затем раздался оглушительный хохот.
Монахиня подскочила к Е-мао и схватила его
за ухо. В эту минуту хлопнула входная дверь,
и в столовую вошел высокий американец
с фотоаппаратом на плече.

Госпожа Хелман засеменила ему навстречу.
— Доброго здоровья, мистер Иген! — лицо
попечительницы расплылось в улыбке.

Мисс Хелман, мистер Иген и монахиня
быстро заговорили по-английски. Американец
все время жевал резинку и частоворачи-
вался, чтобы рассмотреть того или иного вос-
питанника, на которого указывала госпожа
Хелман.

Пришла сестра Канмини, мистер Иген ей
что-то сказал, и она, уже по-китайски, обра-
тилась к детям: «Мальчики! Господин Иген —
корреспондент газеты. Он спрашивает, нра-
вятся ли вам американцы?»

Дети молчали. Мистер Иген вопросительно
посмотрел на монахиню.

— Дети, — сказала сестра Канмини, — надо
отвечать. Если вы стесняетесь, повторяйте за
мною: «Мы очень любим американцев, мистер
Иген». Ну, повторяйте!

Прозвучал нестройный хор:

— Мы очень любим американцев, мистер Иген!

Корреспондент улыбнулся и опять быстро заговорил по-английски. Канмини перевела:

— Детки, я собираюсь сделать несколько хороших снимков. Они будут напечатаны в большой американской газете. В Америке богатые дяди и тети увидят ваши лица и пошлют вам много-много долларов, чтобы на эти деньги мисс Хелман купила вам много-много риса. Хорошо?

— Говорите сразу же за мной, — добавила сестра Канмини. — «Очень хорошо, мистер Иген!» Повторяйте.

— Очень хорошо, мистер Иген! — разнеслось по столовой, а Ма Фу-си нечаянно сказал и слово «повторяйте».

Все рассмеялись. Американец не понимал по-китайски, но мисс Хелман хорошо знала язык страны, из которой выколачивала не-

мало денег, поэтому она сквозь зубы процедила: «Наказать!»

Американец начал фотографировать.

Сначала в саду. Воспитанников поставили в круг и приказали играть. «Играм нет конца», — так я назову этот снимок», — сказал мистер Иген госпоже Хелман.

Шестерых мальчиков посадили за стол, накрытый новой скатертью. Стол ломился от яств. Затем пошли снимки в молельне, в спальне, в мастерской.

Перезарядив аппарат, мистер Иген прохаживался с сестрой Канмини по двору. Его внимание привлекли обнявшиеся Е-мао и Ма Фу-си. Он оглядел двор и наклонился к уху монахини. Та выслушала, улыбнулась и подозвала дежурную.

Через несколько минут монахиня в белой косынке принесла ворох рваной одежды. Мальчикам велели переодеться, и американец усадил их в живописных позах в углу двора.

— Прекрасные нищие, — шелкая затвором фотоаппарата, проговорил мистер Иген. — Этот снимок под названием

«На улице города в коммунистическом районе Китая» будет наилучшим оформлением моей статьи о «красном Китае»! А теперь мне хотелось бы заснять драку. Пусть вот этот, — американец показал на Е-мао, — поколотит вот этого, — палец корреспондента уперся в Ма Фу-си.

— Е-мао! Побей Ма! — приказала Канмини.

— Я не буду с ним драться. Он — мой друг.

— Что я сказала?!

— Не буду! — злобно буркнул Е-мао.

— Это не ребенок, а настоящая дикая кошка, — извиняющимся тоном пояснила монахиня. — Его и зовут Е-мао, что по-китайски значит «дикий котенок»... — Монахиня сунула в руку мальчика несколько конфет: — Сейчас же поколоти Ма!

Е-мао мельком взглянул на перепуганное лицо Ма Фу-си и, не целясь, резко швырнул конфеты в ненавистного американца. Боль-

шие роговые очки упали на камни. Е-мао опрометью кинулся прочь.

Вечером, после соответствующей проповеди, дежурная в присутствии всех воспитанников жестоко наказала Е-мао... А поздно ночью Ма Фу-си подошел к койке друга и прошептал ему на ухо: «Спасибо тебе. Ты герой, Е-мао, настоящий герой!»

Ма Фу-си заболел. В этот день госпожа Хелман позвала его к себе и велела вымыть две фарфоровые вазы для цветов. Ма взял вазы и направился к умывальнику, но, пройдя несколько шагов, он вдруг почувствовал, что пол уходит из-под его ног. Глаза застлало туманом, и ноги провалились куда-то в пустоту...

Очнулся Ма Фу-си от воплей мисс Хелман.

— Гаденыш! — кричала она. — Я привезла их из Америки! Этим вазам нет цены!.. Три дня не давать есть этому уроду! — приказала она вошедшей монахине.

Когда воспитанники обедали, Ма Фу-си, едва сдерживая лихорадочный озноб, сидел в углу двора. Е-мао пытался вынести свою миску, но дежурная заметила и отобрала.

На второй день болезни Ма Фу-си не мог даже подняться с постели, но еды, как приказала госпожа Хелман, ему не дали. Е-мао долго думал, как помочь другу, но ничего не придумывалось.

Молитва закончилась. Все направилось в мастерские. В это время мимо, злобно рыча на воспитанников, пробежала огромная овчарка госпожи Хелман. Е-мао словно ударило током: «Если нельзя вынести из столовой, то можно украсть у собаки. Ее-то, наверное, кормят хорошо!»

Улучив минуту, мальчик вышел из мастерской и осмотрелся. На веранде сидела госпожа Хелман, в ногах у нее лежала собака. Е-мао потихоньку пробрался к собачьей миске и быстро вытащил из нее остатки...

— Ешь, ешь скорее, пока никто не видит, — шептал Е-мао.

Но Ма Фу-си так ослаб от болезни, что ему трудно было даже открыть рот. С трудом он проглотил горсточку желтой кукурузной каши, но и эта горсточка придала больному силы.

— Пи-и-ть... — произнес слабым голосом Ма Фу-си. — И еще... хочется... есть...

— Потерпи, дорогой Ма, я что-нибудь придумаю...

Е-мао побродил по двору и, убедившись, что поблизости никого нет, подбежал к окну комнаты госпожи Хелман. Комната была пуста, а на столе стояли тарелки. Чего только в них не было! И жареное мясо, и вареная рыба, и рис с овощами, и еще что-то незнакомое...

Е-мао, не думая долго, уцепился за подоконник и перемахнул через него. Жадно схватил несколько бананов, булочку и выпрыгнул обратно. Задышавшись, прибежал к Ма Фу-си.

— Ешь, ешь скорее!

Побыв немного у постели больного, Е-мао отправился в мастерские. И тут в спальню вбежала черная овчарка госпожи Хелман. Она покрутилась около кроватей, потом подскочила к Ма Фу-си и, вырвав из его рук банан, затрусила к двери.

В это время в комнату вошла мисс Хелман и все поняла...

Поздно вечером, когда все воспитанники спали, из кабинета попечительницы приюта слышался разговор.

— Это ты украл, урод?

— Да... я...

— Кто еще воровал? Отвечай!

— Никто... я один... — голос Ма Фу-си сорвался.

— Снимай куртку! Сейчас же в сад! Два часа полоть траву. Вон!

Хлопнула дверь, щелкнул замок и прозвучал нежный голос:

— Господи! Спаси и помилуй бедных китайских сирот! Защити их на тяжелой жизненной стезе!

Ночь была особенно холодна, северный ветер налетал порывами и сердито шумел в верхушках деревьев.

На следующий день Ма Фу-си остался лежать в постели. Лицо его горело от жара, лоб был покрыт липким потом, а тело тряслось от озноба. Мальчик никого не узнавал.

Днем Е-мао не мог навестить друга, но всю ночь провел около него.

— Дорогой Ма, ты поправишься, и мы убежим отсюда, — шептал Е-мао. — Убежим в деревню, там люди другие, добрые...

Вдруг он заметил, что Ма Фу-си силится что-то сказать. Е-мао наклонился к лицу больного, но тот невидящими глазами посмотрел в окно, вскрикнул и перестал дышать...

Е-мао судорожно схватил Ма Фу-си за плечо, звал, тряс его, потом испуганно оглянулся и зарыдал.

Утром, как всегда, Е-мао отправился в мастерские и работал особенно усердно: он сколотил двадцать ящиков. А вечером, неожиданно для всех ребят, стал играть с черной овчаркой. Е-мао бегал с ней, ласкал ее, называл нежными именами.

Попечительница подзвала к себе Е-мао.

— Тебе нравится мой пес? — спросила она.

— О, конечно! — пылко ответил мальчик.

— Вот и хорошо! Со временем я разрешу тебе ухаживать за ним. Ты становишься молодцом.

Госпожа Хелман радовалась, что ее Лим, — так звали собаку, — нашел себе игрушку. Мисс Хелман никого не любила в жизни, кроме своего пса, и не скрывала этого.

Однажды лунной ночью, когда дежурная монахиня ушла к себе в комнату, из спальни неслышными шагами вышел Е-мао.

— Лим! Лим! — тихо позвал он, и сейчас же черная овчарка подбежала к нему.

Мальчик незаметно затянул кушаком морду пса и, улучив момент, изо всех сил толкнул его в круглое отверстие колодца. Оглядевшись, Е-мао так же неслышно вернулся в спальню и лег на свое место.

Утром мисс Хелман и монахини повсюду разыскивали Лима, но безуспешно. После обеда попечительница приюта заперлась у себя, а сестра Канмини носила ей какие-то флакончики. Вечером, когда все уже ложилось спать, в саду раздался чей-то вопль: «Лим в колодце!»

В спальню вбежала дежурная монахиня.

— Кто это сделал?

Ребята молчали. Тогда монахиня подскочила к маленькому Вану, стащила его с койки и потянула за собой, взвизгивая: «Ты следишь за колодцем, значит, твоих рук дело! Сейчас же к мисс Хелман! Она выучит тебя!»

Отправишься вслед за Ма Фу-си!»

Вдруг раздался твердый голос Е-мао:

— Собаку утопил я! Это месть за Ма Фу-си!

От неожиданности монахиня села на койку, губы ее беззвучно задержались, но через мгновение она вскочила и засеменила к двери. У дверей, не оглядываясь, крикнула:

— Не двигаться! Всем быть в спальне!

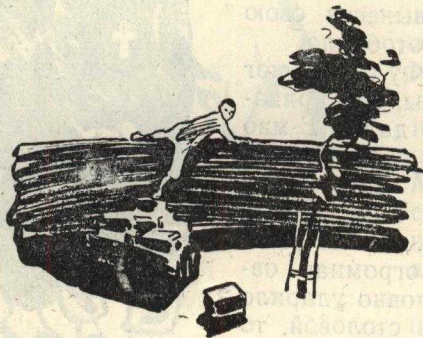
В глубокой тишине отчетливо звучали топтаемые шаги дежурной, спешившей в комнату мисс Хелман.

Когда шаги смолкли, Е-мао подбежал к окну и выпрыгнул в сад. Никто из мальчиков даже не пошевелился.

На заднем дворе приюта, за церковью, легкая тень скользнула вдоль стены и неслышно перемахнула через нее.

Недаром же люди называли его Е-мао, что значит «Дикий котенок».

Перевел Н. Зыков

Титва с «ЧЕРНЫМ ДРАКОНОМ»

Н. Максимов.

Река Черного дракона — так зовут китайцы Амур. Течет Амур с гор, прокладывает путь среди скал, а дно его — местами — сплошной гранит, а ширина — иногда десятки километров...

Хоть и многоводен Амур, да не везде глубок. Кое-где торчат из воды камни, отмели двоят русло реки. Опасно идти пароходу по таким перекатам.

Углубить надо Амур. Очистить его дно.

Есть тихие, ленивые реки. Их углублять легко: прямо из-под воды высасывает земснаряд лишние наносы. Но не так-то просто справиться с рекой Черного дракона — бурным потоком с каменным дном.

Амур — граница. Один берег — наш, другой — Китайской Народной Республики. Неужели два великих народа не могут покорить одну, хоть и величайшую реку?

Могут. Дружба все может.

Долго думали китайские и советские инженеры, как подступиться к бурной реке, и придумали.

Между Хабаровском и Благовещенском, возле села Союзное, был самый большой и опасный для пароходов пережат. Именно здесь решили начать работы по углублению Амура.

Когда замерзла и стала река, рабочие начали долбить во льду цепочку огромных ям — майн. Продолбят лед почти до воды — и ждут, пока снизу не намерзнет новый слой. И снова долбят. И снова ждут. И так — пока не доморозят майну до дна. А потом заливают ямы водой — и ледяная стена отгородит строительную площадку от потока. Освобождая площадку от льда и воды, спускают на дно механизмы, срывая пережат!

Нигде в мире еще не делали ничего подобного. Страшно было: вдруг прорвет вода лед, затопит до срока майны, и снова начинать сначала...

В иных местах и работы прекращают из-за стужи. А здесь, на Амуре, самое время трудиться — сорокаградусная холодина.

Кажется, тяжелая, но не очень сложная работа — рубить лед. А на самом деле она требует тонкости, большой осторожности, чуткости...

Почему чуткости? Потому, что воду подо льдом надо слышать, чувствовать. Рубанул сплеча, бахнул — и потекла вода в пролом, залетит и эту яму, и другие: вся работа пропала.

Ледокольник Ти Тен-фын очень осторожен. Он давно работает, но случилась раз и у него осечка. Это

ведь быстро происходит: одно неосторожное движение — и брызнет вода, и сразу начинает ломать лед, пробивать себе отверстие, фонтанировать. Можно убежать, закричать, привести на это место рабочих, чтобы заткнули трещины мастикой, паклей, привалили мешками, но пока побежишь, затопит майну окончательно. Нет, надо и самому что-то делать.

Ти Тен-фын, затыкая дыру ватником, стоял в яме, которую заливала вода, с ногами мокрыми до колен. Когда поток пробился из-под ватника, Тен-фын прижался к трещине своим телом и удерживал поток до тех пор, пока не пришли товарищи и не замазали дыры мастикой, пока не завалили трещины песком.

И не заболел Ти Тен-фын, все такой же здоровый и веселый. Удержал Черного дракона в его логове, а сам и не подозревает, что совершил подвиг, как былинный богатырь.

Он только улыбается и говорит советским друзьям:

— Наша река — река дружбы. И канал на дне Амура, который мы роём, — канал дружбы!..

Однажды навалило столько снега, что лошади в нем тонули. Дороги оказались перерезанными — не проехать, пока не расчистишь. А в китайском поселке на исходе продукты. Что делать?

Китайские речники обратились за помощью к русским. И вот на расчистку дороги отправились бульдозерист Корнас и путевой мастер Лесков, трактористы Фиш и Шмайловский.

Снег лежал выше пояса; дорога была засыпана на протяжении сорока километров. На иной метр пути приходилось тратить полчаса, и все-таки тракторы и

бульдозеры двигались вперед, оставляя за собой ров в снегу.

И дошли до места.

...Это у всех на языке: два слова — «Канал дружбы»! Он все углубляется, все удлиняется.

Уже пробит гранит на дне Амура в полкилометра длиной, но еще надо очень много сделать, чтобы свободно пошли суда у Союзненского переката.

Две зимы идут работы; еще три зимы — и Черный дракон будет покорен. Дружба все может!

ПРИВЕТ ТЕБЕ, БОЕЦ!

Луань Я-пин

Мир наш — прекрасный путь,
Мир — это свет сердец,
Мы любим мир и тебя,
Защита мира —
Боец!

Ты шел за мир на войну,
За мир воевал в Корее.
Ты счастье принес в страну,
Солнце которой нас греет.
Любовь к тебе не остынет,
Твой подвиг в веках прославлен,
Памятник на Тяньаньмине
Нами тебе поставлен.

В праздник голуби мира
Высоко в небе летят,
Мы громко бьем в барабаны,
Славя тебя,
Солдат.

Мир — это наша надежда,
Мир — это свет сердец,
Мы любим тебя, как мир,
Защита мира —
Боец!

Перевел А. Андреев

Дни из Шанхая

Ти Чэн

Знакомый учитель сказал мне:

— Обязательно побывай во второй шанхайской школе. Там много интересного, но главное — ребята поняли, как надо плавить сталь.

— Сейчас в Китае все плавят сталь, — ответил я. — Вряд ли это заинтересует мой журнал.

— А ты все-таки сходи, — настаивал учитель.

...И вот я стою перед дверьми второй школы. Читаю табличку: «Осторожно. Окрашено. Ремонт».

В школьном вестибюле — большой плакат: «Не прерывая учения, своими силами отремонтируем школу!» Торопливо проходят мальчики и девочки. Одни несут что-то в ведерках, другие волокут плетенные из соломы мешки с известью. Слева целая бригада навешивает новые двери, справа на высоких скамейках стоят девочки и красят стену, еще подалее работают ребята-штукатуры. Где-то звенит электропила, стучат молотки, слышится песня.

Все вокруг бело от мела, и сразу бросается в глаза черная доска с объявлениями.

«Парикмахерская принимает учеников — мальчиков и девочек».

«Банк «Красный галстук» ищет бухгалтера. Желателен отличник по математике».

«Требуется рабочие в переплетный и судомодельный цех».

«Желающие, записывайтесь на этой доске».

Любопытно... Однако, где же тут литейная?

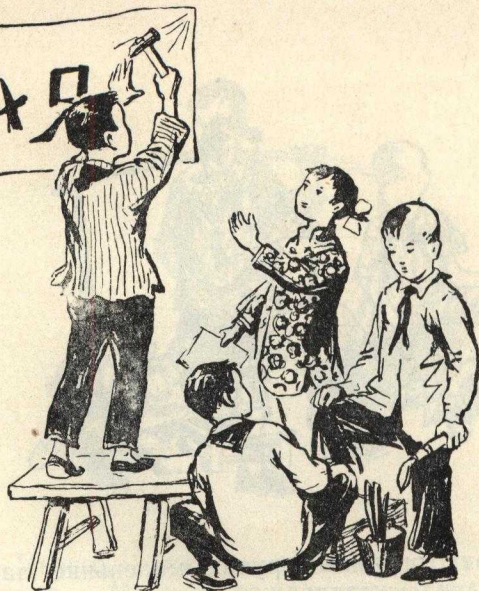
Я решил никого не спрашивать, найти дорогу самому.

* * *

Небольшой мальчуган тащил по коридору какой-то ящик. Я заинтересовался, где может быть бригадир.

— Не бригадир, а директор завода, — правил мальчуган. — Пойдемте, он, наверное, на фасовке.

В классе за длинным столом ребята укладывали обивочные гвозди в пакетики, а пакетики собирали в пачки с этикеткой ка-

кого-то завода. Едва я успел войти, как следом вбежало трое пионеров.

— Директор!

— Фэй Гуан-дун!

— Наш столярный опять стоит! Нет досок!

Высокий пионер с нашивками на рукаве спокойно ответил:

— Видите, не успеваем фасовать гвозди. Если сегодня сдадим сто килограммов, деньги будут, купим доски.

Больше он не сказал ничего. Трое переглянулись, подошли к столу и принялись помогать.

Я стал расспрашивать Фэй Гуан-дуна. Не прекращая работы, даже не поднимая глаз от стола, он быстро рассказал мне историю одного из многочисленных заказов, которые выполняет школа.

Пионеры решили капитально отремонтировать школу. Причем на время ремонта занятий не прерывать, ремонтировать только своими руками и только на свои средства.

Понадобилось менять перекрытия. Для этого нужен лес. А лес стоит денег.

Можно было бы «обложить данью» родителей. Так делали другие школы. Но пионерские постановления не отменяются. Ребята стали искать выхода.

Маленький Юй узнал от отца, что заводу «Синьхуа» нужны временные рабочие — упаковывать гвозди.

Пионерский комитет по ремонту школы отправил на завод пятерых представителей. Их принял директор. В заключение беседы директор, старый шанхайский рабочий, держа

в своих огромных руках маленькие ладони Гуан-дуна, сказал:

— Вот и договорились. Вы мне — гвозди упакуете, я вам — досок выделю. Получается вроде товарообмена великих держав, всем выгодно. Верно?

Это был первый большой заказ. За ним последовали другие.

Одни заводы расплачивались со школьниками сырьем, другие деньгами. Пришлось завести настоящий банк. Старшие школьники в несколько дней наладили образцовый учет. И сейчас готовят себе смену — «банкиров» из шестиклассников.

Пока Фэй Гуан-дун рассказывал, большой ящик доверху наполнился аккуратными пачками. Директор отдал мне пионерский салют:

— Простите, сейчас моя очередь нести ящик на завод. Мы не позволяем малышам носить тяжести...

И ушел.

Я собирался идти дальше, как вдруг заметил на стене крупные иероглифы: «Суй-бянь-нар-дяо-во-мынь-и-цзин-дао». Кто-то из пионеров тут же прочел вслух: «Только позовите, сразу придем». И объяснил:

— Кому помощь нужна, тот сразу к нам. Мичурины просили сделать плетенки под сажень — сделали. Кролиководам клетки понадобились — пожалуйста. А нормы все равно выполняем.

В дверь просунулась чья-то голова.

— Хэй! Хэй! Интересные новости! Парикмахерская расширяется! Работает бесплатно!

Пионер просунулся в дверь по пояс и провел рукой по стриженной макушке:

— Вот! Ни одного фэня не платил!

Ребята с сожалением посмотрели на груды гвоздей, но никто не двинулся с места.

В небольшой комнатке — очередь. Малыши рассматривают книжки-картинки. Четыре суровых парикмахера — шестиклассники — стригут и моют головы.

В кресле парикмахера Чжан Вэй-линя сидит маленький мальчуган. Ему не терпится показать приятелям стриженую голову, и он то и дело спрашивает: «Готово?» Наконец Чжан говорит «готово». Клиент срывается с места и бежит к двери.

Очередь дружно хохочет. Клиент забыл, что на нем салфетка.

Парикмахеры снова взялись за работу. Они трудились с полным знанием дела.

— Сколько лет ты учился? — спросил я Чжана.

— Лет? — удивился он. — Сегодня работаю сорок второй день!

...Однажды после уроков четыре друга зашли в парикмахерскую «Михуа». Обступили работавших там парикмахеров и стали внимательно следить за их движениями.

Один из взрослых освободился и, щелкнув ножницами, позвал:

— Ну, кто из вас первый?

— Дядя, мы пришли не подстригаться. Мы решили открыть свою школьную парикмахерскую. Нам нужно научиться работать.

Парикмахер подумал, помолчал.

— Ну, что ж. Дело хорошее. Если твердо решили, — месяца за два, за три научу. И платы не возьму. А ну-ка, смотрите.

Тут же показал, как держать расческу, ножницы, бритву. На следующий день продолжили занятия. Стригли друг друга.

Через месяц четверка набралась храбрости и открыла школьную парикмахерскую.

Желающих стричься набилась целая комната. Маленький Шэнь Ян первым уселся

в кресло. Чэнь Шу-ли взмахнул ножницами... Во рту у него пересохло, руки дрожали, он сразу забыл все наставления учителя... Когда стрижка закончилась и Шэнь Ян повернулся к зрителям, все захохотали.

— Смотрите!

— Ай да парикмахер!

— Это новая модная стрижка! Называется: «По лугу проехал трактор»!

— Лучше уж прямо выстричь у него на голове контуры Азии! Будет вместо глобуса!

Шэнь Ян заливался слезами и требовал, чтобы ему сделали «как было».

— Брату скажу! — ревел первый клиент.

Парикмахерская опустела. Чэнь Шу-ли, нога за ногу, поплелся в учительскую.

В коридоре, возле окна, стоял старший брат Шэнь Яна, учитель Шэнь Бао, и успокаивал младшего братишку. Чэнь Шу-ли собрался с духом и подошел к ним.

— Я виноват. Я испортил волосы вашего брата. Я прошу прощения у вас и у него.

— Нет, почему же? — очень серьезно сказал учитель. — Для первого раза совсем неплохо. Кстати, товарищ Чэнь Шу-ли, ты сейчас свободен? Ты не мог бы меня подстричь?

Шэнь Ян перестал хныкать, удивленно уставился на брата. Чэнь Шу-ли не знал, что и сказать. А учитель, не дожидаясь ответа, положил руку ему на плечо, и они вместе пошли в парикмахерскую.

По дороге им встретился директор школы. — Добрый день, учитель Шэнь. Говорят, у нас работает парикмахерская? Ах, и вы туда? Пойдемте вместе, мне тоже не мешало бы подстричься.

— Мы... Мы еще только учимся! — в ужасе забормотал Чэнь Шу-ли. — Посмотрите, как я подстриг...

— Ничего, — сказал директор, опускаясь в кресло. — Мастера рождаются не сразу.

Только не волнуйся. Ты ведь умеешь стричь.

— Директор стрижется в нашей парикмахерской! — разнеслось по школе. Народу набилось еще больше, чем при открытии. И, странное дело, — Чэнь Шу-ли чувствовал себя так, словно вокруг никого нет, а он работает парикмахером добрый десяток лет.

...Все это рассказал мне парикмахер-шестиклассник Чэнь. Могу подтвердить, что рассказ его — чистая правда. Я подстригся у Чэня не хуже, чем в самой лучшей парикмахерской.

Прощаясь, Чэнь смущенно сказал:

— У вас на правом ботинке шовчик немного разошелся. Знаете, лучше вовремя починить. Наши сапожники — по коридору налево.

«Зайду к сапожникам, — подумал я, — а потом уж непременно найду литейную».

* * *

Дверь в сапожный цех была приоткрыта, слышно было, как шлепают по коже молотки. У широкого окна на низеньких табуретках сидели три мальчика и девочка. На груди — фартуки, возле каждого — горка тапочек и сандалий.

Один из сапожников говорил с заказчицей:

— И куда ты только смотришь? Няньку тебе, что ли, надо? Хорошие сандалии, а вон до какой дыры дотаскала!

— И-жун! — сказала девочка-сапожница. — Хватит тебе. Делай быстрее.

Мальчик вздохнул, порылся в обрезках цветной кожи, выбрал лоскуток под цвет сандалии, заработал ножиком. Промазал клеем, провел горячим утюгом, протер какой-то жидкостью, поворчал для порядка и отдал сандалию девочке. Та взглянула, надела

сандалию на ногу, улыбнулась мальчику и убежала. И-жун выписал квитанцию, наколот ее на гвоздь.

— Вам починить?

— Да, пожалуйста. Это недолго?

— Минуты три, четыре.

Через три минуты И-жун протянул мне отличный починенный ботинок.

— Сколько с меня?

— У нас бесплатно, — улыбнулся мальчик.

— Но ведь ты выписываешь квитанцию.

И вот у тебя ценник.

— Все равно, денег мы не берем. Квитанции — для учета материала, ценник — чтобы знать свою выработку.

— А откуда вы достаете материалы?

— Обрезки дает обувная фабрика, остальное делаем сами. Вот только подметочную кожу покупаем да клей. Так на это школьный банк дает деньги.

— Нравится работать?

— Еще бы нет! На всю школу обувь чиним. Разве плохо?

Тут я увидел, что у самого сапожника тапочка «просит каши».

— Что же ты себе самому не починишь тапочку? — удивился я.

— А вот, видите? — И-жун кивнул на грудку обуви. — Как же я буду свое чинить, если ребятам не готово?

— Послушай, — сказал я, — ведь здесь столько работы, что сегодня вы ее никак не кончите.

— Кончим! — уверенно сказал И-жун. — Мы с собой ужин взяли, у нас будет вечерняя смена.

— Неужели учителя раз-
решают?

— Что вы! Конечно, нет. Вы им, пожалуйста, не говорите. А то у нас безвыходное положение. Понимаете, была пешеходная экскурсия, а потом еще футбольный матч. Вот у нас работы и накопилось.

* * *

...Дома я весь вечер обдумывал, вспоминал, записывал.

В школе тысяча шестьсот ребят. С первого класса каждый школьник приучается к работе. Одних цехов на школьном заводе — шестнадцать: столярный, кролиководческий, фасовочный, юннатский и разные другие.

Каждый день, едва кончаются уроки, очередная смена занимает трудовые посты.

Рабочие цеха зубных щеток всюду, где только можно, собирают костяные основы старых щеток, потом промывают в специальных растворах, насаживают новую белоснежную щетину, упаковывают в коробки. Цех приносит большую прибыль.

Швейный цех умудряется шить рабочие рукавицы и костюмчики для малышей из обрезков, полученных на швейной фабрике. Немного смекалки, немного фантазии, и на школьный склад поступает отличная продукция.

Мичуринцы выращивают овощи для школьной столовой, поставляют корм кроликам. А это значит — большая экономия денег.

«Банкир», сидя за партой, подсчитывает каждый фэнь. Ему точно известно, в чем нуждается цех, какие средства имеет завод. А средства у завода не маленькие! Одному «банкиру» уже не справиться.

Первоклассники — «разнорабочие». Попробуйте прогнать малышей с работы! Ничего не выйдет. Даже билет в кино не поможет.

А как же с плавкой стали?

На заводе есть цех художественного литья. Но, видимо, не об этом говорил мой приятель, когда советовал побывать во второй шанхайской школе.

И я вспомнил разговор с одним из школьных бригадиров, пионером Вэй-да.

— Понимаете, — сказал Вэй-да, — наша школа — доменная печь. Ребята — это и есть та сталь, которая проходит трудовую закалку.

— А ты кем будешь, когда вырастешь?

— Мне нравится столярничать. Но я умею чинить обувь, делать зубные щетки, готовить шихту, работать парикмахером. Кто нужен стране, тем и буду.

Рисунки Л. Московского

НОВАЯ ШКОЛА

Цзоу Линь-юй

Тибетцы-малыши сидят за партами,
Все сорок в ярких праздничных нарядах.
Дает урок свой первый перед картою,
Товарищ Лао из агитбригады.

Обводит он уверенно указкою
Китай необъятные просторы,
Показывает за цветной раскраскою
Равнины, нити рек, леса и горы.

„Вот море Южное, а это вот Восточное,
Вот здесь леса, а здесь пустыня знойная,
Вот города, — их означаем точками, —
Вы видите, как много их построили.

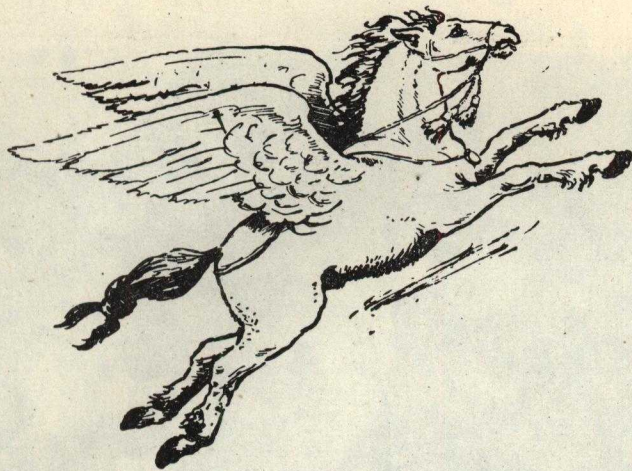
А вот Пекин — столица всей Отчизны,
Там председатель Мао, вождь любимый,
Работает, чтоб всюду в нашей жизни
Сияло счастье солнцем негасимым.“

— Учитель, — вдруг спросил малыш пытливо, —
А счастье, это что, такая птица?
Чтоб стало все село мое счастливым,
Она у нас могла бы поселиться?

Лицо учителя в улыбке посветлело,
Он показал ученику на знамя,
Что алым шелком в классе ярко рдело:
— Взгляни, ты видишь — наше счастье с нами!

Перевел А. Андреев

БОЛЬШОЙ

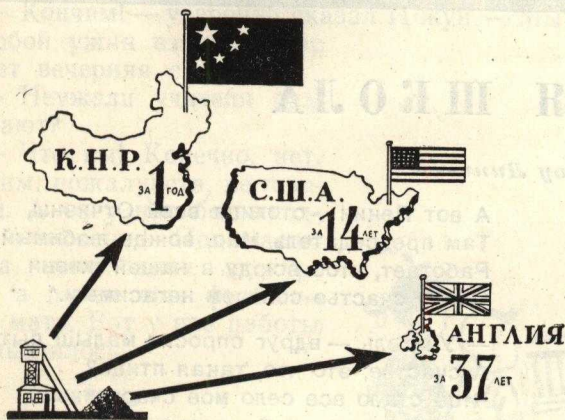
„ДА ЯОЦЗИНЬ“ — „БОЛЬШОЙ СКАЧОК“

Эти два слова знает весь китайский народ. Их повторяют на собраниях, печатают в газетах, передают по радио. Почему им такой почет?

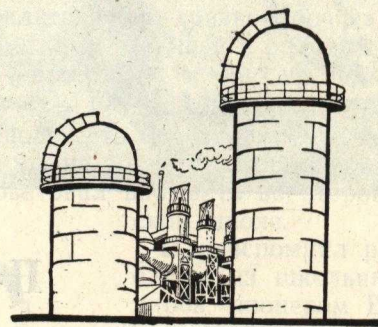
Что за странный крылатый конь почти всегда нарисован рядом с ними?

И что это такое — необыкновенный год, год чудес?

В 1958 году в Китае выплавлено 8 миллионов тонн стали, а только за год перед этим — в 1957 году — 5,4 миллиона тонн.

В 1958 году в Китае добыто 270 миллионов тонн каменного угля, годом раньше добывалось меньше в два раза. За один год — прибавка в 135 миллионов тонн. Чтобы получить такой при-

1957 1958

рост, англичане потратили тридцать семь лет, а американцы — четырнадцать. Теперь Китай добывает угля больше, чем Англия — самая старая промышленная страна мира.

В старом Китае голодали десятки миллионов людей. А теперь здесь снимают с каждым годом все большие урожаи. И опять особенно замечателен 1958 год, когда собрали небывало много зерна и хлопка.

Десять лет назад в Китае вовсе не было тяжелой промышленности. А в 1958 году в стране заработали 700 новых крупных предприятий. Каждые двенадцать часов в строй вступал завод, фабрика, шахта.

Вот о чем говорит изображение крылатого коня. Вот почему 1958 год китайцы называют годом чудес, необыкновенным годом.

СКАЧОК

В 1958 году китайский народ совершил „БОЛЬШОЙ СКАЧОК“ к победе социализма.

Легко это было? Нет, очень трудно.

В прошлом году в Китае побывала делегация советских киноработников. Они рассказывают:

„В поездке нас сопровождала молодая киноактриса Цинь Вэнь. Мы звали ее „веселой спутницей“. Однажды она сказала: „Сегодня я не могу поехать с вами. Я должна варить сталь“.

Актриса варит сталь? Не удивляйтесь. Народ пришел на помощь металлургам. Весь народ плавил металл. И уголь добывали не одни шахтеры — им тоже помогал весь народ.

Два страшных врага у китайского крестьянина: засуха и наводнение. Нет дождей — урожай гибнет от засухи. Дожди идут — вздуваются реки, выходят из берегов — урожай снова гибнет.

Спасти поля от засухи, от наводнений могут водохранилища и ирригационные каналы. И то и другое нужно строить.

Каждый день на строительство с кирками, лопатами, тачками выходили сто миллионов человек. Они вынули и переместили пятьдесят восемь миллиардов кубометров грунта.

Этой земли достаточно, чтобы соорудить... **триста восемьдесят семь Великих китайских стен.**

И вот результат: в Китае за 1958 год построено больше ирригационных каналов, чем за две тысячи лет до этого.

Так китайский народ вершил необыкновенные дела 1958 года.

А в 1959 году в Китае кипит битва за

12 миллионов тонн стали
335 миллионов тонн угля
275 миллионов тонн зерна
2,4 миллионов тонн хлопка

Братскому Китаю помогают советские люди. Мы посылаем друзьям машины, станки, нефть, металл, помогаем Китайской Народной Республике строить заводы, шахты, электростанции.

Мы идем с китайским народом по одному пути, в одном строю, рука об руку. Мао Цзэ-дун сказал: „В мире нет таких сил, которые могли бы нас разъединить“.

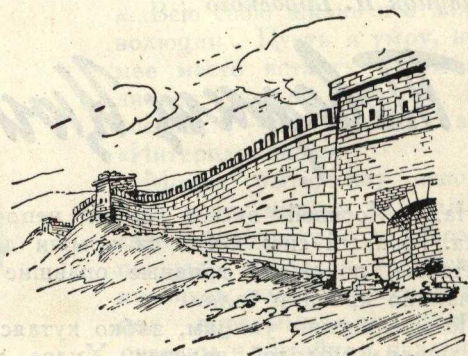

Рисунок И. Бродского

Птоварищ Цюй Цю-бо

Над Москвой висела серая непроглядная мгла. Мокрый снег летел на крыши домов, на мостовые, покрывая грязные опавшие листья. Отчаянно кричали галки.

По московским улицам, зябко кутаясь в пальто, бродил молодой человек. Худое лицо его было серьезно. Черные умные глаза из-за толстых стекол очков внимательно разглядывали прохожих.

Вернувшись вечером в гостиницу, в холодную неуютную комнату, молодой человек сел за стол и выводил на бумаге замысловатые иероглифы. Иероглифы рассказывали обо всем, что он увидел.

За окном хмурилось небо, накрапывал мелкий дождь вперемешку со снегом. Чавкала грязь, шуршали осенние листья.

А на бумаге выстраивались колонками иероглифы: «...Оставим пока в стороне тот факт, что в России нечего есть, нечего надевать... что она живет в голоде и холоде... она ведь, в конце концов, первая в мире страна, совершившая социалистическую революцию...»

Человека звали Цюй Цю-бо. Сюда, в Москву, его прислала пекинская газета «Чэньбао» («Утро»). Прислала, чтобы он познакомился с жизнью молодой Советской республики и рассказывал о ней китайским читателям.

Жизнь была тревожна, увлекательна, далеко не каждому понятна...

Английский писатель Герберт Уэллс, побывав в Москве, увидел только изрытые ямами улицы, деревянные дома, разобранные на дрова, и набитые битком трамваи.

И он написал в своей книге, что пройдет еще год гражданской войны — и Россия неизбежно уйдет из семьи культурных и цивилизованных стран во мглу, став страной варварства и беспорядка.

Молодой журналист Цюй Цю-бо видел другую Россию.

«...Когда в Андреевском зале Кремлевского дворца выступает Ленин, протиснуться к трибуне невозможно. На стульях и столах — всюду стоят люди, так что яблоку негде упасть. Когда в зале зажигают огни, большая тень Ленина, образуя удивительную картину,

падает на плакаты и лозунги... Этот силуэт на кумаче рождает необыкновенные чувства и становится особым символом...»

Цюй Цю-бо писал об этом не с чужих слов. Он видел Ленина. Вместе с делегатами международного пролетарского конгресса, рядом с Кларой Цеткин и Сен-Катамной входил китайский журналист в зал заседаний.

В зале, где раньше все сверкало золотом, появился новый цвет — цвет Революции: кумачовая скатерть на столе президиума, красные знамена. На оббитую багряным полотнищем трибуну поднимались люди разных наций и говорили на разных языках, и все они были едино-

мышленниками, братьями в тяжелой борьбе за человеческое счастье.

Увидев Ленина, Цюй Цю-бо уже не отрывал от него глаз. Невысокий, на первый взгляд ничем не примечательный человек примостился на ступеньках трибуны и что-то быстро записывал в лежащий на коленях блокнот...

Этой ночью Цюй Цю-бо совсем не ложился спать. Накинув пиджак, глухо покашливая, он сидел у темного окна. Снова и снова вспоминал он Кремль, зал заседаний, лица делегатов конгресса.

Итальянский коммунист Джованни Джерманетто был избран председателем комиссии, которая обсуждала резолюцию конгресса. Комиссия заседала в бывшем тронном зале. Джованни, как председатель, сидел на троне Николая II.

И никому в голову не пришло удивляться, что на царском троне восседает итальянец-парикмахер...

Вспомнив о Джерманетто, Цюй Цю-бо улыбнулся и пересел к столу. Пальцы замерзли и плохо слушались. Иероглифы выходили не очень-то аккуратные. Но это было сегодня не так уж важно.

«...Красный свет, бьющий во все стороны из Андреевского зала, озаряет Вселенную. Речи представителей разных стран, их голоса сотрясают земной шар...»

Рассветало. По улицам зашагали первые москвичи — кто на работу, кто в очередь за хлебом. Жизнь продолжалась — тревожная, увлекательная, далеко не каждому понятная жизнь...

Герберт Уэллс смотрел на Москву глазами иностранца-туриста. Цюй Цю-бо — глазами друга. Он видел многое, что ускользнуло от взгляда англичанина, потому что смотрел дальше, чем тот.

Да, приближались холода, и Москва сидела без дров. Но люди не сдавались: они заготавливали топливо, шили стеганки и шинели.

Да, над Москвой висела серая мгла. Но солнце пробивало эту мглу — и тогда начинали ярко сверкать осенние краски листвы.

И часы на Спасской башне, огромные стрелки которых двигались так медленно, что казалось, будто они примерзают к металлическим цифрам, уже отмеривали новое время.

Цюй Цю-бо любил приходить на Красную площадь в полдень. Стоя у зубчатой стены, с замиранием сердца слушал он строгий перезвон кремлевских курантов. Когда стрелки сходились на двенадцати, Цюй Цю-бо вынимал из кармана свои часы и сверял их с московским временем.

Часы у Цюй Цю-бо были золотыми. Может быть, об этом и не стоило бы упоминать, если бы не связанный с ними случай. Однажды китайский журналист прочел в газете призыв, обращенный ко всем гражданам, — сдать золотые вещи, — государство испытывало экономические трудности, не хватало средств на восстановление хозяйства. Призыв не касался Цюй Цю-бо — он не был советским гражданином. Однако в тот же день, не задумываясь, он отнес на приемный пункт единственную свою драгоценность.

И вскоре на смену золотым у Цюй Цю-бо появились другие часы, в строгом стальном корпусе, — подарок от советских друзей в знак единения народов России и Китая.

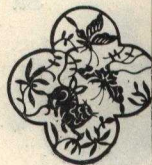
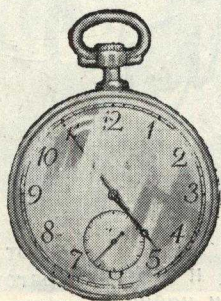
Эти часы и сегодня можно видеть в Музее истории китайской революции. Потемнел их корпус, потускнел циферблат. Но они все так же точно отмеривают время, которое когда-то сверял с московским товарищ Цюй Цю-бо.

А сердце их владельца давно остановилось. Это случилось в июне 1935 года, в Чандине. Верный сын партии, секретарь ее центрального комитета, попал в руки белогвардейцев-гоминдановцев.

Перед смертью Цюй Цю-бо сказал палачам: «...Всю свою жизнь я отдал революции... Пусть я умру, но на мое место встанут сотни миллионов, чтобы дальше идти вперед...» — и громко запел «Интернационал».

Может быть, ему вспомнилась в эту минуту далекая Москва двадцатого года, Красная площадь, перезвон кремлевских курантов, алый отблеск знамен, под которыми — он верил — русским и китайцам навеки шагать рядом. Плечом к плечу.

М. Мамедов

ЗВЕНО ОТВАЖНЫХ

Су Жун, главный редактор газеты „Чжунго Шаоняньбао“

Красивое место — деревня Хэси.

Направо высокие горы, покрытые причудливо разросшимися деревьями. Кажется, будто примчались откуда-то бешеные кони и застыли на всем скаку, разметав гривы по ветру.

Налево море. То синее, точно атласный халат, то все в зеленых бликах, словно усыпанное нежными листьями банана. Ласковое, теплое море.

Да, красиво. Но если рядом притаился враг, жди беды.

... Однажды утром черные столбы дыма закрыли солнце, разрывы снарядов заглушили ропот моря, в воздухе запахло гарью. Люди заметались, убегая от смерти, которую посылал им самый злобный враг китайского народа Чан Кай-ши.

В тот же день по улицам Хэси промчались транспортеры, тягачи с тяжелыми орудиями, автомашины. Части Народно-освободительной армии получили задание наказать чанкайшистов.

К вечеру пионеры Хэси организовали „Отряд помощи Фуцзяньскому фронту“. Они еще не знали, что делать, а оставаться в стороне не могли.

Но бойцы сами пригласили пионеров к себе.

Ребята пришли на позиции с большими чайниками, полными душистого жасминного чая. Печенье и лучший сорт чая купили на деньги, заработанные школьным заводом. Чтобы вскипятить воду, ходили за дровами; хлынул сильный дождь. Мальчики скинули куртки, и хоть сами вымокли, топливо осталось сухим, чай поспел вовремя.

За чаем началась дружеская беседа. Ребята

дали обещание делать все, о чем их попросят бойцы.

Обстрелы продолжались. Жителям пришлось покинуть деревню. Пионеры ни за что не хотели расставаться с родной Хэси. Они так просили, чтобы их оставили, что секретарь партийной организации отобрал семерых, самых старших, и отправил пионерское звено в горную пещеру, где расположились бойцы Народного ополчения.

Сразу нашлась работа. От пещеры к позициям шла проводная связь. Пионеры стали связистами.

Однажды после сильного обстрела дежурный пионер снял с рычага телефонную трубку. Трубка молчала. Ребята тревожно переглянулись.

— Обрыв на линии! — сказал Хуан Шуй-фа. — Что если повреждена связь с батареей?

Молча стали собираться. Взяли моток кабеля, палку с развилкой, чтобы снимать провод с деревьев. Вышли из пещеры и, пригибаясь, двинулись по проводу. Когда снаряды начинали рваться совсем близко, ложились на землю.

Вот оно, место повреждения! Над глубоким оврагом, на самом краю, извиваются спутанные провода. Оборваны целых три линии, их надо правильно срастить, не перепутать. Скорее, время не ждет...

Ухнул взрыв. Ребята прижались к земле, замерли. Потом подняли головы — тихо. Снова принялись за работу. Вот уже одна линия готова, действует...

И вдруг из зарослей выставилась косматая морда. Повела носом, хрюкнула... Дикий кабан!

Дикий кабан пострашнее снаряда. Звено разделилось. Четверо ребят зашли сбоку, стали кричать, топтать. Кабан исчез. А в это время трое заканчивали работу.

Едва успели срастить последние концы, как из-за кустов появился боец-связист Лю Во-тоу.

— Осторожно, ребята! Давайте-ка сюда. Место опасно!

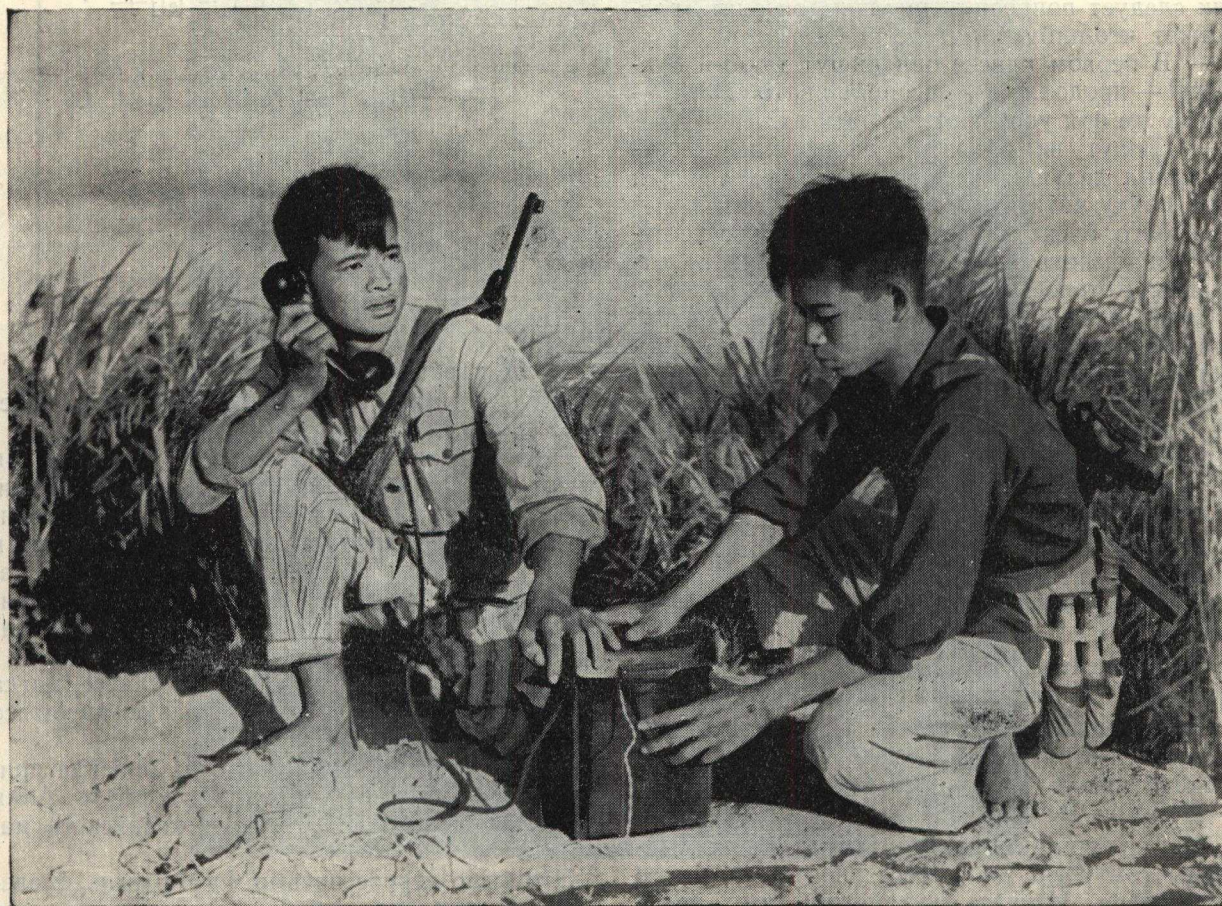
Все вместе нырнули в кусты. По дороге Лю Во-тоу рассказывал:

— Только начал командир говорить по телефону, — прервалась связь. А потом сама собой

появилась снота. Мы прошли по линии, видим — кто-то починил. А кто починил, неизвестно. Значит, это были вы. Молодцы!

Все-таки пришлось выслушать выговор за то, что не подождали конца обстрела. Зато потом боец похвалил их и даже взял с собой к командиру.

В блиндаже артиллеристов пожилой командир поблагодарил пионеров и распорядился, чтобы их отвезли домой на машине. Он попрощался с каждым за руку и обещал всех семерых представить к награде.

ПИОНЕРЫ-СВЯЗИСТЫ.

Фото Чань Чунь

О Воле и его друзьях из Китая

Однажды дедушка принес Воле новую книжку. Воля сразу перелистал ее. Картинки — необычные. Вместо слов — таинственные знаки.

— Ребусы? — недоверчиво спросил он деда.

— Нет, — рассмеялся тот. — Букварь китайского первоклассника.

Дедушка и раньше удивлял Волю своими рассказами о Китае и разных странах, где ему довелось побывать. И Воля знал: если как следует попросить дедушку, он опять расскажет что-нибудь интересное.

— В первом классе они пишут такими буквами? — продолжал расспрашивать Воля. — Когда же они успевают выучить их?

— Пишут не буквами, а иероглифами, — поправил дедушка и предложил: — хочешь, и тебя научу читать их?

...Долго, очень долго думал Воля, что не сумеет запомнить иероглифы. И все же не отступал: хотелось самому прочесть книжку.

Скоро Воля без запинки читал первую страницу букваря и, закрыв его, по памяти записывал иероглифами прочитанное.

Прошло еще немного времени, и Воля, правда с помощью дедушки Арсения Иосифовича, решился написать в Пекин.

Вовино послание состояло всего из нескольких иероглифов:

«Я ученик первого класса. Меня зовут Воля Втюрин. Я стараюсь научиться читать и писать по-китайски. У меня нет для этого учебников».

«Туньчжимынь, цзай-цзянь! До свиданья, товарищи!» — так заканчивалось письмо.

Ответ китайских братьев на весточку из Алма-Аты стал известен всей 58-й городской средней школе, где учился Воля:

«Дорогой Воля!

Мы получили Ваше письмо и были удивлены тому, что Вы умеете писать так много иероглифов. Изучать китайский язык очень трудно. Но если у вас крепкая воля и вы не падаете духом, то непременно выучитесь...

Нам ежедневно приходит почта из-за рубежа: из СССР, Кореи и других социалистических стран. И вот первый раз мы получили письмо от мальчика из Алма-Аты. Пишите нам еще о жизни вашего города, о жизни казахских ребят.

見^愛的^志同^志們^好!
我是^學生^第一^年級。
我的名字^叫 Воля
Втюрин
我^學中文也^寫中國^字
可是我沒有^{中國}書。
言^問你^們可^以給^我
中國^書。我
我會^寫五十^多個^{中國}字
我要^說中國^話。

Всего хорошего!

Желаем Вам здоровья и отличной успеваемости!»

Письмо подписали пекинские студенты Ян Чуан-вэй, Фу Цзи-вен, Хэ Шао-юй, Ян Яо-ен.

В конверте лежал и Вовин листок, исписанный иероглифами. Рукой друга заботливо и осторожно были сделаны пометки и приписка: «Нас очень радует письмо. В нем мало ошибок, и те, которые мы обнаружили, — исправили».

...Воля уже учился во втором классе, когда почтальон принес сразу несколько писем со штампом «Международное».

Восьмиклассница Фу Ин-мынь просила прислать расписание уроков и портрет Алии Молдагуловой, юной героини казахского народа...

Это было первое письмо Фу Ин-мынь. В следующем девочка спрашивала, есть ли еще в Вовином классе ребята, которые так же, как Воля, — маленький советский братишка, — изучают китайский язык. И еще Фу Ин-мынь писала, что до слез любит хризантемы, и обозначила слезы изображением дракона — царя вод.

Воля не считал себя маленьким, но сначала ему просто не верилось, что с ним, второкласс-

сником, как со взрослым, переписывается восьмиклассница.

По совету дедушки Вова послал девочке сена алма-атинских роз, тех самых, что украшают главную площадь города, рассказал

Обо всех корреспондентах Вовы не расскажешь сразу, переписка растёт день ото дня, и дружба крепнет.

Недавно Вова получил посылку. Студенты из Пекина прислали новые учебники, детские

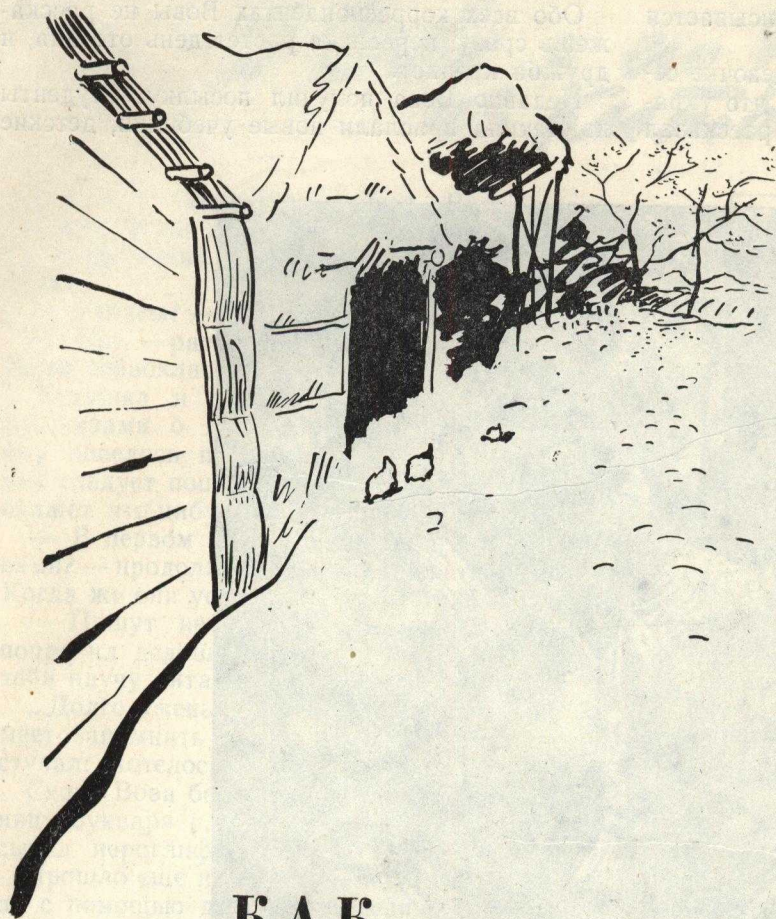
о том, как его одноклассники закаляют характер. Ведь пионер с характером тверже аньшаньской стали может добиться всего, чего хочет. Если даже нет особого таланта.

книжки, которые читают Вовины ровесники в Китае, значки, пионерский галстук.

Посмотрите, как радуется Вова, показывая товарищам дорогой подарок.

В. Скоробогатов
Фото Э. Чиковани
Алма-Ата

КАК МЫ ЛОВИЛИ ЧЕРТА

Ян Фэй-минь

Рисунки В. Голявкина

Мой дедушка живет в деревне Лянтоугоу, в горах. Он давно просил, чтобы мы приехали к нему на лето, но папа с мамой так заняты, что все откладывали поездку. А в этом году они решили послать меня одного. Я, конечно, очень обрадовался: поеду в поезде сам, один.

В купе сидели двое военных, пожилая женщина и я. Только поезд отошел от перрона, как соседка заохала:

— И куда это годится! Разрешают маленьким без взрослых в поезде ездить!

— А я вовсе и не маленький, — возразил я. — В пятом классе учусь!

— В пятом-то в пятом, а вот придут черти да унесут — будешь знать!

— Зачем вы мальчика пугаете? — вмешался один военный. — Он уже большой, пора

к самостоятельности привыкать, да и чертей на свете нет, это выдумка, суеверие.

— А я знаю, что черти — суеверие, — бодро проговорил я, хотя в душе, чего греха таить, немного сомневался.

— Не знаете, так не говорите, — спокойно возразила женщина. — У нас в Лянтоугоу, в старом доме откуда Бао Ли-гэн в город уехал, завелись черти и привидения, — каждую ночь на ткацком станке работают и цепями стучат. Не иначе дух помещика за своим добром приходит!

«Лянтоугоу! — подумал я. — Вот тебе и на!»

Военные рассмеялись.

— Да мы помещиков так шугнули, что от них и духа не осталось!

Женщина сжала губы и больше не проронила ни слова.

На станции меня встретил дедушка, я его давно не видел, и он показался мне совсем стареньким.

— Приехал, наконец, — дедушка прижался щекой к моему лицу.

— Здравствуйте, почтенный Сунь Эр-лао! — поклонилась моя соседка по поезду. — Вот и привезла вам внука, хотя не знала, что он ваш внук. Хороший мальчик!

— Спасибо вам, тетушка Гуань, — сказал дедушка.

Мы втроем зашагали к деревне, видневшейся на опушке леса у подножья горы.

— Дедушка, а черти у вас есть? — не выдержал я.

— Что, что? — удивился он.

— Черти, — спокойно пояснила тетя Гуань. — Это он про дом помещика.

— Кто его знает, — хитро улыбнулся дедушка. — Я не видел, но в сказках люди встречали. Вот придем в деревню, отдохнешь, а вечером можешь послушать сказки старого Сюя, — он у нас сторожит кооперативное поле...

В тот же день, вечером, я познакомился с соседскими ребятами — Чжао Му, Чжу Эром, Май Линем. Они показали мне родник под горой, лисью нору... Я, в свою очередь, рассказал о городе, о себе, о школе, где учусь, а потом спросил о «духе помещика».

Чжао Му серьезно посмотрел на меня, затем на Мэй Линя. Тот кивнул головой, и мальчики, перебивая друг друга, поведали мне загадочную историю.

Бывший помещичий дом давно уже передан крестьянам. В нем двадцать комнат, во всех живут люди, только одна свободна — ее собираются отремонтировать и открыть в ней читальню. Там удобные стенные шкафы, да и книги помещика сохранились, старинные, говорят, дорогие.

Ремонт было начали, но отложили до конца полевых работ. И тут-то случилось непонятное. Однажды Чэнь Эр-фань, жившая рядом с пустой комнатой, проснулась ночью от стука цепей. Казалось, за стеной работает ручной ткацкий станок. Чэнь испугалась и побежала к соседке Юнь Сань. Та успокоила ее, проводила домой, но только собралась возвращаться к себе, как за стеной отчетливо застучало. Обе женщины чуть не умерли от страха.

Утром все жители деревни знали о ночном происшествии. Сомнений больше не оставалось: дух помещика — кому же еще? — приходит сюда ткать людям горе, чтобы выжить тех, кто посягнул на его владения!

Мужчины осмотрели комнату, но ничего подозрительного не обнаружили и снова заперли. А ночью странные звуки повторились.

В этом же доме жил сторож, старик Сюй.

Линь — это точно, что черти существуют? А наш учитель объяснял, что черти — это предрассудки!

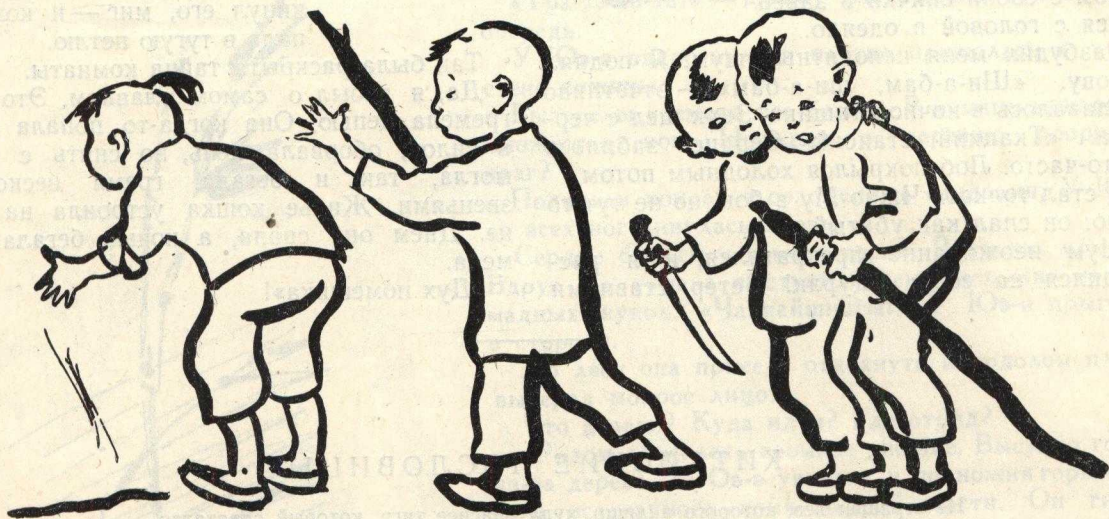
Мэй Линь хитро улыбнулся. Он часто ходит с отцом охотиться на леопардов, ничего не боится и ни в какие чудеса не верит.

— Ай-я! Вот что я тебе скажу, — дедушка Сюй вынул изо рта трубку, — черти особенная штука. Да ты сам можешь посмотреть на них, если придешь ночью к этой помещичьей комнате. Там чертяки каждую ночь цепями гремят...

Мэй Линь открыл рот, чтобы возразить, но сказать было нечего. А дедушка Сюй хитро посмотрел на нас подслеповатыми глазами, пососал мундштук своей трубки, поднялся и заковылял домой.

Мы долго сидели молча, и, видимо, каждый про себя обдумывал слова старика. Первым очнулся Мэй Линь. Он встал, потянулся, потом резко присел на корточки, наклонился к нам и быстро-быстро зашептал...

На следующий день с утра мы начали приготовления. Мэй достал ключ, а я, Чжао Му и Чжу Эр запаслись палками и кухонным ножом. Мэй Линь отпер замок, толкнул дверь. Мы гурьбой втиснулись за ним. В нос ударил

Он плохо видел, поэтому дальше ворот никуда не ходил, вечерами любил рассказывать ребятам сказки и забытые предания.

Когда стало смеркаться и наступила пора «душных часов», я с моими новыми приятелями уже сидел на скамеечке рядом с дядей Сюем и слушал его удивительные истории.

Чжу Эр, самый младший, испуганно оглядывался и усиленно махал веером, я тоже струхнул.

— Дедушка Сюй, — спросил вдруг Мэй

запах нежилого помещения. Пол устилали опилки, обрезки досок, пыль. Деревянная лестница вела на чердак.

Я огляделся. Если бы не грязь, то казалось, что хозяин вот-вот придет: на столике лежала горка писчей бумаги и забытая кисточка, стенной шкаф был полураскрыт, оттуда смотрели старинные книги в шелковых футлярах...

— Хватит любоваться, — приказал Мэй Линь. — Приступайте к уборке.

Прошло добрых три часа, пока комната

приобрела нормальный вид, но зато мы стали похожи на настоящих чертенят.

На обед разошлись по домам, договорившись собраться и прийти ночевать в таинственную комнату.

...Стемнело. Мы сидели на полу вокруг масляной лампы. От порывов легкого ветерка, залетавшего в открытое окно, маленький язычок пламени качался из стороны в сторону, а на стенах появлялись и исчезали чудовищные тени.

«Нас только трое... — думал я. — Чжао Му с Мэй Линем сейчас уснут, ветер погасит лампу... Что тогда делать?»

Страх вползал в меня все больше и больше. Приятели спокойно укладывались спать. Я тоже лег, но через минуту толкнул в бок Чжао Му:

— Ты спишь?

— Не-е-ет... — он сладко причмокнул и ровно засопел.

— Мэй Линь! — позвал я.

— Ответа не последовало.

Я встал, прибавил в лампе огня, однако страх не прошел. До рассвета оставалось несколько часов. Я решительно дунул на фитилек, положил рядом с собой спички и завернулся с головой в одеяло.

Разбудил меня непонятный шум. Я поднял голову. «Ши-а-бам, ши-а-бам», — отчетливо раздавалось в ночной тишине. Звук шел с чердака. «Ткацкий станок!» Сердце забилося часто-часто. Лоб покрылся холодным потом.

Я стал толкать Чжао Му в бок, но не тут-то было: он спал как убитый...

Шум неожиданно прекратился, и я рассердился на себя: «Дурак! Ветер ставнями

хлопает, а тебе ткацкие станки мерещатся!»

Только было задремал, опять с чердака раздался звон цепей. Потом что-то загремело по лестнице. Ближе, ближе. Под столом зашеле-стела газета.

Я не открывал глаз, вобрал голову в плечи и боялся шевельнуться.

Вдруг резко хлопнул ставень и прозвучал голос Мэй Линя:

— Эй, чего спите! Быстрее вставайте, я держу ставни, зажигайте свет!

Я столкнул на пол Чжао Му, вскочил, но глаза открыть еще боялся... Чжао Му что-то бормотал спросонья... Лампу в конце концов зажег сам Мэй Линь.

Мы с Чжао Му схватили палки, а Мэй стал лампой освещать углы.

В закуточке у этажерки кто-то зашипел, по стене забежала огромная тень... и тайна раскрылась. Одиравшая кошка, припав на передние лапы, злобно урчала и не сводила глаз с лампы.

Мэй Линь не растерялся. Он вытянул из трусиков резинку, мгновенно смастерил арканчик, кинул его, миг — и кошка попала в тугую петлю.

Так была раскрыта тайна комнаты.

Да, я забыл о самом главном. Это кошка гремела цепью. Она когда-то попала головой в силовик, оборвала цепь, но снять с шеи не могла, так и бегала, гремя несколькими звеньями. Жиле кошка устроила на чердаке. Днем она спала, а ночью бегала и гремела.

«Дух помещика»!

КИТАЙСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

Не страшен лев, которого видишь, куда опаснее тигр, который спрятался.

Чем меньше у человека знаний, тем больше он зазнается.

Не гляди презрительно на каплю воды: она может продолбить самый твердый камень.

Не ломай стену соседа, чтобы заложить дыру в своей.

Не убьешь змею сразу, потом раскаешься.

Недочитанная книга — не до конца пройденный путь.

Одной рукой двух лягушек не поймаешь.

Потерянное золото можно найти, потерянное время — никогда.

Тому, кто обещает много, верь мало.

Хочешь сладкого, сначала попробуй горького, хочешь отдохнуть, сначала по-работай.

ДЕВУШКА — ВНЕДО

БЫЛ В

С высоких лесистых гор Цзинганшаня поднимается ветер. Нырять в глубокую пропасть, стремительно нестись в долину, шелестит в зарослях бамбука, стучит в окна крестьянских домов.

Друзья, помолчим немного. Слышите в шуме ветра топот копыт и звонкий голос девушки?.. Ветер рассказывает незабываемую историю.

Это произошло десять лет тому назад. В Китае шли бои с бандами предателя Чан Кай-ши. Тоненькая, круглолицая, черноволосая и светлоглазая У Юэ-э часто спускалась с гор, на разведку. С вязанкой хвороста на спине или с корзиной в руках рассматривала чанкайшистов: где они, сколько их, как вооружены.

Однажды холодным зимним утром густой белый туман окутал окрестности, закрыл горы. «Скорей бы домой, погреться у огонька, поесть горячего риса», — думала усталая У Юэ-э, карабкаясь по склону.

Вот и деревня. Но что это? На улице — ни души. У Юэ-э вошла в один, в другой дом. Пусто. Тихо. Хотелось закричать, чтобы нарушить это пугающее безмолвие.

Куда ушли крестьяне и отряд Народной армии?

«Тра-та-та-та!» — гулко раскатилась автоматная очередь.

У Юэ-э вздрогнула и плотно прижалась к теплой стене хижины.

Выстрелы гремели все ближе. В тумане зашаркало множество ног. Неужели в деревню прорвался враг?

Подвязав покрепче соломенные сандалии, У Юэ-э со всех ног кинулась прочь.

Сердце билось у самого горла. В висках стучало. Вдруг из тумана выступили тени, похожие на громадных кукол. «Чанкайшисты!» У Юэ-э прыгнула в сторону.

...В лесу она присела отдохнуть и подолом платья вытерла мокрое лицо.

Что делать? Куда идти? Где отряд?

Рядом раздалось громкое ржание. Высунув голову из-за дерева, У Юэ-э увидела у подножия горы крепкого оседланного коня каурой масти. Он гневно бил подковой о камень, высекая искры и, закидывая морду, непрестанно ржал — звал хозяина.

Захлопали выстрелы.

Поднявшись на дыбы, конь тщетно пытался взобраться на скалу.

«Да ведь это конь нашего командира! — вспомнила девушка. — Все ясно: отряд ушел в горы. Враги догадываются об этом, если найдут здесь коня.»

У Юэ-э поманила животное к себе. Конь послушно приблизился. Девушка встала на пенек, села верхом и помчалась во весь опор.

Чанкайшисты, заметив кавалериста, с дикими криками рассыпались по лесу.

— Окружа-ай!.. Захватывай живьем!..

У Юэ-э колотила пятками коня, натягивая повод. Дорога сужалась, извиваясь меж деревьев. Стуча копытами, как тяжелыми молотами, конь летел вперед.

Погоня то приближалась, то отдалялась.

На крутом повороте девушка зацепилась за сук и вылетела из седла. Она упала на землю и потеряла сознание. Умный конь остановился, и, касаясь ее щеek мягкими губами, призывно заржал... У Юэ-э лежала без движения, закрыв глаза.

Чанкайшисты были очень раздосадованы, захватив вместо командира отряда девчонку. Тяжело пыхтя, они усьелись у дороги и закурили.

— Вставай, негодница! — прикрикнул офицер.

У Юэ-э открыла глаза. Над нею склонилось заплывшее жиром лицо. Рот, полный золотых зубов, беззвучно открывался и закрывался. Потом она услышала:

— Где командир?

Ухватившись за сосенку, У Юэ-э встала с земли. Взгляд скользнул к вершине горы. Солнце рассеяло туман.

— Молчишь? — офицер вытащил из кобуры пистолет.

У Юэ-э откинула назад черные волосы и коротко сказала:

— Пойдем.

Ага, сейчас она укажет, где скрывается командир!

...Она подвела офицера к обрыву. Внизу, в каменистом ущелье, клубился белый туман. С неожиданной силой У Юэ-э толкнула врага и увлекла за собой в пропасть.

Солдаты подбежали к обрыву. Внизу клубился туман.

Громко заржал конь и, стуча копытами, исчез между деревьями.

Зашумел ветер, заглянул в пропасть и понесся в долину, чтобы рассказать людям о маленькой героине.

Помолчим друзья. Слышите в шуме ветра топот копыт и звонкий голос девушки?

Перевели с китайского М. Искрин
и А. Курцман

Знаешь ли ты, что...

...каждый четвертый житель нашей планеты — китаец. Это значит, что в Китае живет четверть всего человечества, более шестисот миллионов человек. Велика площадь Китая — почти десять тысяч квадратных километров, она уступает лишь территории СССР.

...в Китае живут не только китайцы. Монголы, казахи, уйгуры, ороочоны, народности ли, яо и мяо — всего 60 национальностей. И все они — равноправные хозяева нового Китая, строители социализма.

...в Китае появились новые небывалые имена: Кэнь-хуан, что значит «освоение целины» и Чун-чжуан, что значит «колхоз». Такие имена дали детям целинники на северо-востоке Китая. Еще недавно там лежали нетронутые черноземные степи. Бэйдахуан — Большая северная пустынь — назывался этот край.

Впервые осенью прошлого года сюда пришли люди с характером тверже стали и собрали первый целинный урожай.

...что такое китайская целина?

В Китае целина не только степные просторы. На юге, на острове Хайнань, например, это тропические заросли, перевитые лианами, непроходимые джунгли... Но и эта целина в наши дни покоряется людям!

...в Китае крестьяне говорят: «Приходит смерть суховеям!» Это потому, что через всю страну протянулась новая Великая стена — Великая Зеленая стена. Эта гигантская лесополоса шириной полтора километра и длиной 1600 ки-

лометров возведена за годы народной власти.

...раньше Хуанхэ текла на юг. А теперь русло этой бурной многоводной реки повернуто на восток. Так безопаснее людям: им перестанут угрожать наводнения. Уже забывается, что раньше Хуанхэ называли «Горем Китая».

...можно ходить по морю не на корабле и не утонуть? Оказывается, можно: ведь моря бывают подземные. И ничуть не меньше, чем обычные.

В Китае обнаружено такое море. В нем четыре триллиона тонн воды. Двадцать пять тысяч лет пролежали эти запасы без пользы, а теперь — стоит достать воду с глубины — и она пригодится в промышленности и сельском хозяйстве.

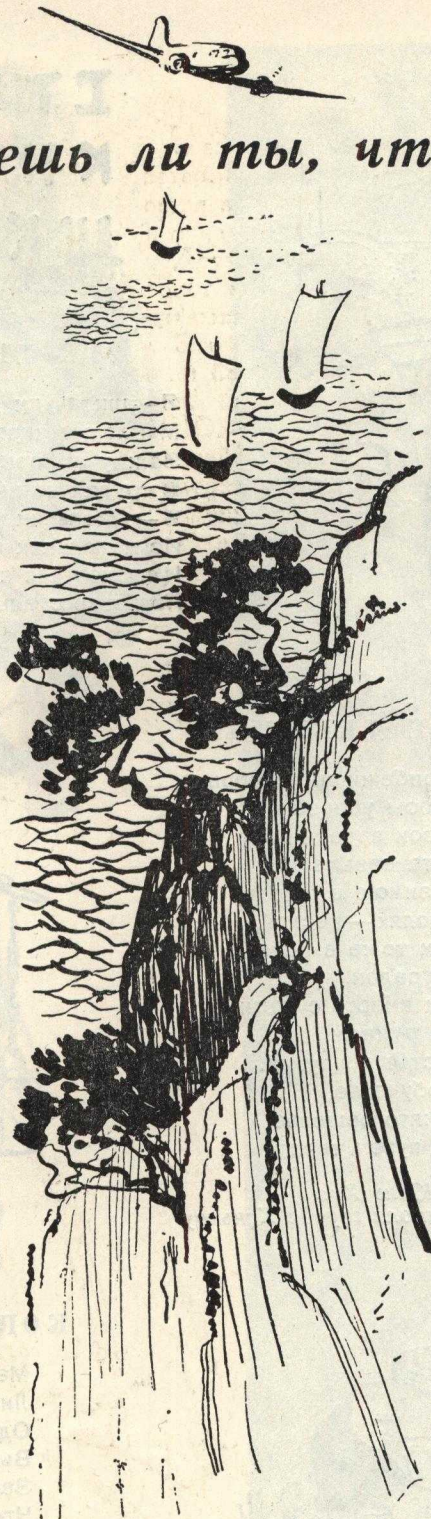
...дождь может идти сколько надо, там, где надо, и даже когда надо?

В прошлом году в шести провинциях Китая люди, вооруженные наукой, двадцать два раза вызывали дождь и оросили сорок тысяч гектаров земли.

...недоступные ледники, залегающие в горах, можно поставить на службу сельскому хозяйству?

Можно! В Китае научились искусственно растапливать вечные горные снега. Талые воды идут на орошение полей в сухих предгорьях Циляншаня.

Прошло только десять лет со дня установления народной власти в Китае, а успехи в строительстве социализма огромны. Оживает под руками простых тружеников древняя земля, хорошеет на радость всему передовому человечеству.

СТИХИ КНТАЙСКНХ ШКОЛЬННКОВ

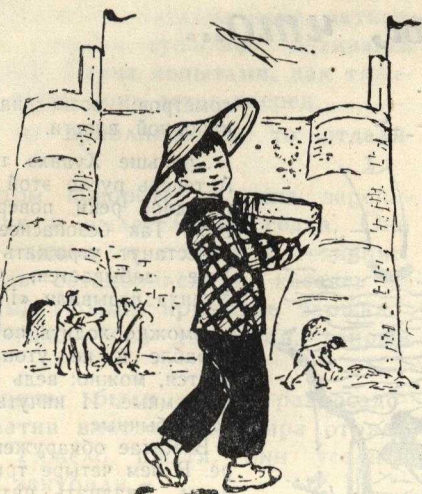
Рисунки Р. Хасиевой

ДЕЛАЮ КИРПИЧИ

Я — школьник, и с бригадой других учеников
Мы лепим кирпичи, чтоб больше было стали,
Зажму я форму глиною, — и раз, — кирпич готов!
В трудах не видим мы, что сумерки настали.
Я — школьник, и с бригадой других учеников
Из маленьких кирпичиков большую печь построю,
И из нее для наших сел и городов
Польется сталь бурлящей огненной рекою.

Ли Кай-цзи

Средняя школа города Ляоянь

ДЕРЕВЕНСКАЯ ДЕВУШКА

Ты к речке утром прибежишь на зорьке,
Там, глядя в воду, косы уберешь,
И, до краев налив свои ведерки,
Еще вязанку хвороста возьмешь.
Ты занята всегда — зимою в школе,
Учебой и трудом в полях — весной,
С утра до ночи летом тоже в поле
И осенью горячею страдой.
Простая девушка, ты вместе с нами
Умелыми и крепкими руками
Себе построишь счастье и другим.
Еще я не закончил обучение,
Но мною твердо принято решение
Идти всегда прямым путем твоим.

Юань Хуа

Средняя школа города Ханькоу

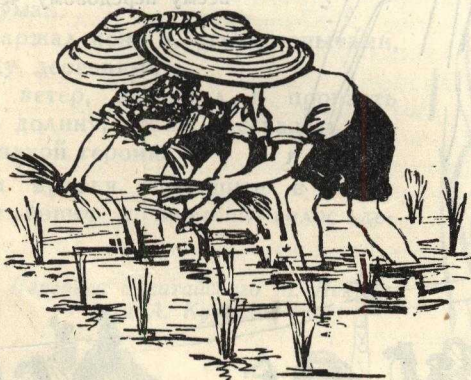

КОГДА СЕЕШЬ — ЗНАЙ!

Мешок соберешь ты риса,
Лишь горсть его посадив.
Одно зерно кукурузы
Вырасти может до неба.
Зернышка хлопка хватит,
Чтобы костюм тебе сшить.
А поле засеешь пшеницей —
Целый год будешь с хлебом.

Гу Дун-лян

Средняя школа города Цинпу

Перевел А. Андреев

НА ВОДОПОЙ.

РЫБКИ.

Юные художники ХУАН Ю и ЛИ ЦАЙ-ЛИНЬ.

ЦАРЬ ОБЕЗЬЯН

СКАЗКА

Рисунки И. Харкевича

Давным-давно это было. Так давно, что и сейчас порой одна только сказка и осталась. Сказка о владыке обезьян и о царе Небес.

В далеком море, что простирается к востоку, поднимались прямо из волн Волшебные острова. На одном из этих островов и родился Сунь У-кун — повелитель обезьян. Отцом его был Ураган, а матерью — Каменная глыба, огромная глыба, что лежала на самой вершине горы Хуагошань. Дали этой горе такое название недаром; ведь на ней цвели цветы невиданной красоты, и деревья клонились под тяжестью сочных плодов. Хуагошань как раз и значит: Гора цветов и плодов.

Так вот, на вершине Хуагошань лежал камень, поросший серым мхом. Много лет, много веков, много тысячелетий оставался камень недвижимым. Но вот однажды поднялся Ураган, пронесся с ревом по морю и ударился о гору Хуагошань. Гора как стояла, так и осталась стоять, а камень... Камень качнулся раз-другой, сдвинулся с места и покатился вниз, ломая столетние деревья, словно тоненькие куацзы — палочки, которыми едят рис. Докатился камень до подножья горы и раскололся надвое. Из камня вышел Сунь У-кун.

А надо сказать, что на том Волшебном острове жил народ обезьян. Приняли обезьяны Сунь У-куна ласково, накормили, напоили, обучили всему что сами знали.

Сунь У-кун получил от своих родителей — Каменной глыбы и Урагана — богатые дары. Как камень была несокрушима его воля, как камень крепка его рука, как камень твердо

слово. Словно ветер, была быстра его мысль, стремительны, словно ветер, движения, нежна, как дуновение, ласка и страшна, как буря, ярость.

Сунь У-кун умел взлетать в небо, проникать в земные недра, нырять на дно морское. Прошло еще немного времени, и он постиг тайну семидесяти двух превращений.

Мудрено ли, что Сунь У-кун стал владыкой обезьян? Повелел всем обезьянам — и старым, и молодым, и маленьким — делать гимнастику у-шу. Научил их вырезать мечи из дерева, копьа из бамбука и устраивать состязания.

Хорошо бы жил обезьяний народ с таким мудрым правителем, да вот беда: на другом Волшебном острове, на горе еще выше, чем Хуагошань, стоял дворец царя Небес. Могущественный это был царь, злой и завистливый. Узнал царь Небес про счастливый народ обезьян и рассердился.

— Счастье — удел небожителей, — сказал он. — Как смеют жалкие обезьяны быть счастливыми! Пойдем на них войной.

Как раз в это время пролетала над дворцом царя Небес сорока. Услыхала она эти слова, забила крыльями, затрещала и понесла на хвосте новость по всем Волшебным островам.

Обезьяний народ встревожился.

— Что будем делать? — спросили обезьяны Сунь У-куна. — Защищаться, если нужно, мы сумеем, недаром ты научил нас делать гимнастику у-шу. Сражаться на мечах мы можем и копьа бросаем метко. Но мечи наши из дерева, а копьа из бамбука.

— Верно вы говорите, — ответил Сунь У-кун. — Нужно нам настоящее оружие из звонкого металла. А где его взять? Я не знаю.

— А я знаю, — сказала самая старая обезьяна. — За морем есть город воинов. Оружия у них столько, сколько у нас плодов на деревьях.

Сунь У-кун повеселел.

— Ждите! — крикнул он своему народу, вскочил на проплывавшее мимо облако и скрылся из виду.

Доплыло облако до города воинов, Сунь У-кун спрыгнул вниз, очутился на городской площади. Стали сбегаться к нему жители города, бряцая оружием.

— Храбрые воины! — сказал Сунь У-кун. — Обезьяний народ, что живет на волшебном

острове, попал в беду. Собираются на него войной небожители. Я пришел попросить у вас оружия.

— Оружия? — удивились воины. — От нас можно получить удары мечом и раны копьем, но не мечи и копья. Носить оружие подобает воинам, а не обезьянам. Убирайся, откуда пришел.

Воины затрясли щитами и начали наступать на безоружного Сунь У-куна.

Рассердился царь обезьян, подпрыгнул, топнул ногой и свистнул. Что это был за свист! Земля дрогнула, облака закружились в небе, словно стая испуганных птиц, с крыш посыпалась черепица, зашатались стены домов. А храбрые воины зажмурили глаза, заткнули уши, попадали на землю, а потом расползлись кто куда, словно черепахи. Только щиты, копья и мечи остались на площади.

Сунь У-кун собрал все оружие, связал его веревкой из конского волоса, сделал петлю, закинул на облако, сам на него вскочил и отправился в обратный путь.

Теперь-то и вправду сильны стали обезьяны. Никакой враг им не страшен.

Еще больше рассердился царь Небес. Собрал он своих небесных генералов и небесных советников. Стали вместе думать, как уничтожить обезьяний народ.

— Только повели, царь, — сказал главный

генерал, — и мы не пожалеем жизни, нападём на обезьяний народ.

Но главный советник, услышав эти слова, покачал головой.

— Сокрушительна ярость дракона, но разумнее вкрадчивость змеи. Пока обезьянами правит Сунь У-кун, нам их не одолеть. Не лучше ли почетом и лестью усыпить внимание Сунь У-куна, а потом убить его.

— Хвалю тебя, мой советник! — воскликнул царь. — Назначим Сунь У-куна хранителем небесных садов. Что может быть почетнее этой должности!

Как решили, так и сделали. Послали гонца на гору Хуагошань. Выслушал его Сунь У-кун и сказал своему народу:

— Мир лучше войны. Выращивать сады лучше, чем рубить головы. Поеду к царю Небес, а вы без меня, смотрите, не забывайте каждое утро делать гимнастику у-шу.

В халате, расшитом четырехпальными драконами, опоясанный яшмовым поясом, в шапке, затканной золотыми цветами, явился Сунь У-кун ко дворцу небесного царя.

Сам царь отвел его в свои сады и сказал:

— Я вверяю тебе лучшее, что у меня есть. Вот смотри сам. Перед тобой раскинулись три персиковых сада. В первом тысяча двести деревьев. Они цветут раз в три тысячи лет и раз в три тысячи лет приносят плоды. Отдавший их никогда не болеет.

— В этом саду есть все что нужно! — воскликнул Сунь У-кун. — Зачем же тебе два других сада?

Небесный царь усмехнулся.

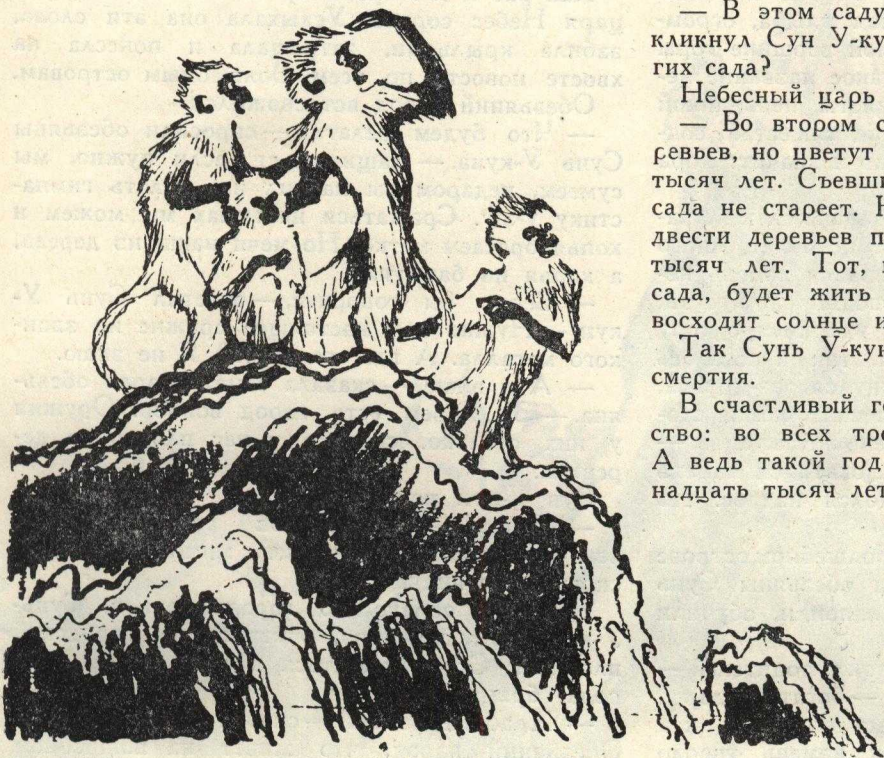
— Во втором саду тоже тысяча двести деревьев, но цветут и плодоносят они раз в шесть тысяч лет. Съевший хоть один персик из этого сада не стареет. Ну, а в третьем саду тысяча двести деревьев приносят плоды раз в девять тысяч лет. Тот, кто отведал персик из этого сада, будет жить до тех пор, пока над землей восходит солнце и луна.

Так Сунь У-кун стал хранителем садов бессмертия.

В счастливый год попал он в небесное царство: во всех трех садах поспевали персики. А ведь такой год выпадает один раз в восемнадцать тысяч лет.

Ходит Сунь У-кун по садам, стережет, чтобы никто не подкрался к волшебным деревьям, чтобы даже воробей не сел на ветку, не поклевал персики — зачем воробью бессмертие?

Прошло еще немного

времени, налились плоды сладким соком, зарумянились, покрылись мягким пушком. День, два — совсем поспеют персики.

Не спит Сунь У-кун, все ходит по саду, сторожит персики бессмертия.

И вот на рассвете, когда все кругом притихло в ожидании восхода солнца, Сунь У-кун услышал шорох. Притаился он за стволом, смотрит: к дереву крадется фея. Ждет хранитель садов, что будет дальше. А фея протянула руку, чтобы сорвать персик. Тут-то Сунь У-кун и схватил ее за платье, сотканное из лунных лучей.

Фея взмолилась:

— Отпусти меня, царь обезьян!

— Не могу тебя отпустить, — отвечает Сунь У-кун. — Царь Небес доверил мне свое сокровище, как же я его обману?

— Бедный, бедный Сунь У-кун, — вздохнула фея. — Кто не обманывает сам, тот верит, что и его не обманут. Знай же: царь Небес задумал убить тебя. Завтра на пиру бессмертия тебе подадут отравленную кисть винограда.

— Спасибо тебе, — сказал фее Сунь У-кун. — Союви себе три персика и уходи.

Фея сорвала персики и убежала.

Только поднялось солнце, явился гонец звать царя обезьян на пир к царю Небес. Значит, правду сказала Сунь У-куну маленькая фея.

Пиршественный стол для небожителей накрыли на террасе у яшмового озера. Гости должны были собраться после заката солнца, а Сунь У-кун пришел незадолго до заката.

Хорошо было здесь. Тени от зеленых сосен скрестились с тенями от бирюзовых кипарисов. Золотые жаровни и яшмовые светильники стояли на столе рядом с голубыми кубками, полными вина. На серебряных блюдах лежали персики из трех садов — сада здоровья, сада молодости, сада бессмертия.

Двое стражников охраняли ступени священной террасы. Но Сунь У-кун недаром знал тайны семидесяти двух превращений. Он вырвал из своей бороды волосок, дунул на него, и волосок превратился в бабочку с серебряными крылышками — в бабочку, навевающую сон. Бабочка покружилась над головами стражников, и стражники крепко уснули.

Тут Сунь У-кун одним прыжком вскочил на террасу, еще прыжок — и он на столе.

— Первым делом спляшем обезьяний танец! — сказал Сунь У-кун.

И заплясал. Кубки с вином опрокинули и разбил. Яшмовые светильники погасил. Все персики растоптал Сунь У-кун, кроме трех. Их он съел сам.

Разгромив, разрушив, перевернув все вверх дном, Сунь У-кун быстро, как ветер, помчался к горе Хуагошань, где ждал его обезьяний народ.

Закатилось солнце, и к яшмовому озеру явился царь Небес со своими приближенными. Они сразу поняли, кто побывал здесь раньше их. Горе и плач раздались среди небожителей.

Персики бессмертия, которых они ждали девять тысяч лет, погибли все до единого!

Затопал ногами царь Небес и послал войско генерала Ли Тянь-вана войной на народ обезьян.

Но и обезьяны во главе со своим мудрым предводителем не дремали. Зазвенели мечи, засвистели копья. Дрогнуло войско Ли Тянь-вана, рассыпалось, бросилось наутек.

Трех генералов — Ли Тянь-вана, На То и Эр Лана — обезьяны схватили и забросили на край земли. А царь Небес сам туда убежал.

Пересказали Н. Гессе и Э. Задунайская

Народ набирается сил

Е. Корсунский

Чэнь Цзин-кай толкает самую тяжелую штангу в мире.

Чжэн Фэн-жун прыгает выше всех женщин в мире.

Жун Го-туань играет в настольный теннис лучше всех в мире.

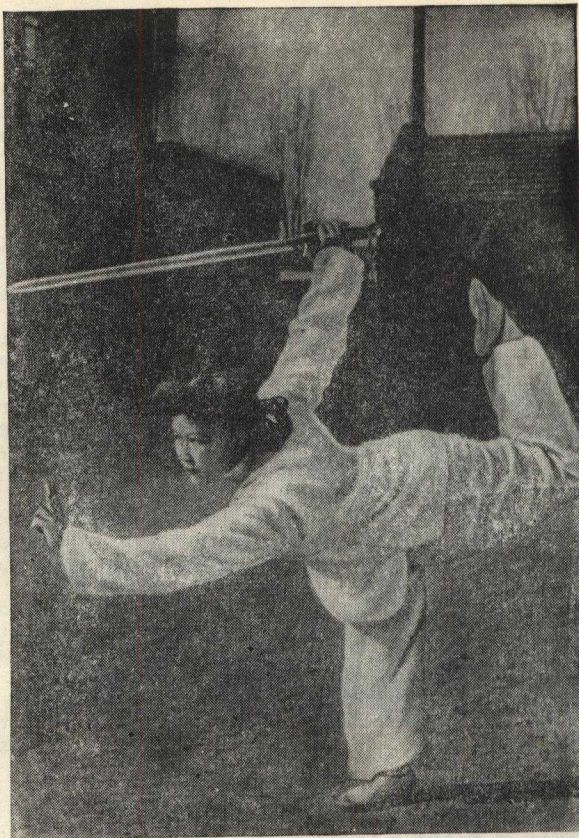
Это начало длинного списка. Чтобы назвать всех китайских спортсменов мирового класса, не хватило бы места в журнале.

Разнообразен китайский спорт. В нем появились все основные виды мирового спорта. Прежде их не было.

Баскетболисты Китайской Народной Республики уже встречались со сборными командами СССР, Румынии, Чехословакии, Венгрии, Польши, Болгарии, Франции, Египта. Китайская команда — грозный противник.

Совсем молод лыжный спорт. В южных районах Китая — короткая бесснежная зима. Зато на севере лыжникам простор. Здесь и тренируются лучшие спортсмены Республики. Им постоянно помогает советский тренер, мастер спорта Гюрин.

А рядом с новыми видами спорта живут древние, национальные.

Вот, например, «у-шу» — «военное искусство». Это упражнения, напоминающие художественную гимнастику. Только вместо булавы, обруча или ленты в руках у спортсмена копье, лук или меч. Но это не бой.

Это только изображение боя, в котором спортсмены соревнуются не в нанесении ударов, а в красоте движений, изобретательности, памяти. Известно более девятисот упражнений. Нынешние мастера создают все новые движения и позиции. «У-шу» близко к танцу, оно часто вводится в национальные оперы.

Гимнастика — самый любимый вид спорта в Китае. Ею занимается весь народ.

Каждое утро в Пекине, в парке имени Сун Ят-сена, собираются тысячи людей. Молодые спортсмены, пожилые люди, седые старики вместе делают утреннюю зарядку, — упражнения «тай-цзицюань». И вместе с ними «тай-цзицюань» делают по всей стране:

в цехе завода и на перемычке рисового поля, в магазине и на площади.

Движения округлые, мягкие. Спортсмен смотрит в одну точку. «Тайцзицюань» требует, чтобы гимнаст отвлекся от своих мыслей, думал только об упражнениях.

Для тех, кто помоложе, есть еще один вид зарядки, «хоуцюань» — «упражнения обезьян». Здесь много движений на гибкость, на силу.

Ритмично звучат команды, одно упражнение сменяется другим. Народ набирается сил. Впереди рабочий день — один из героических дней «Большого скачка».

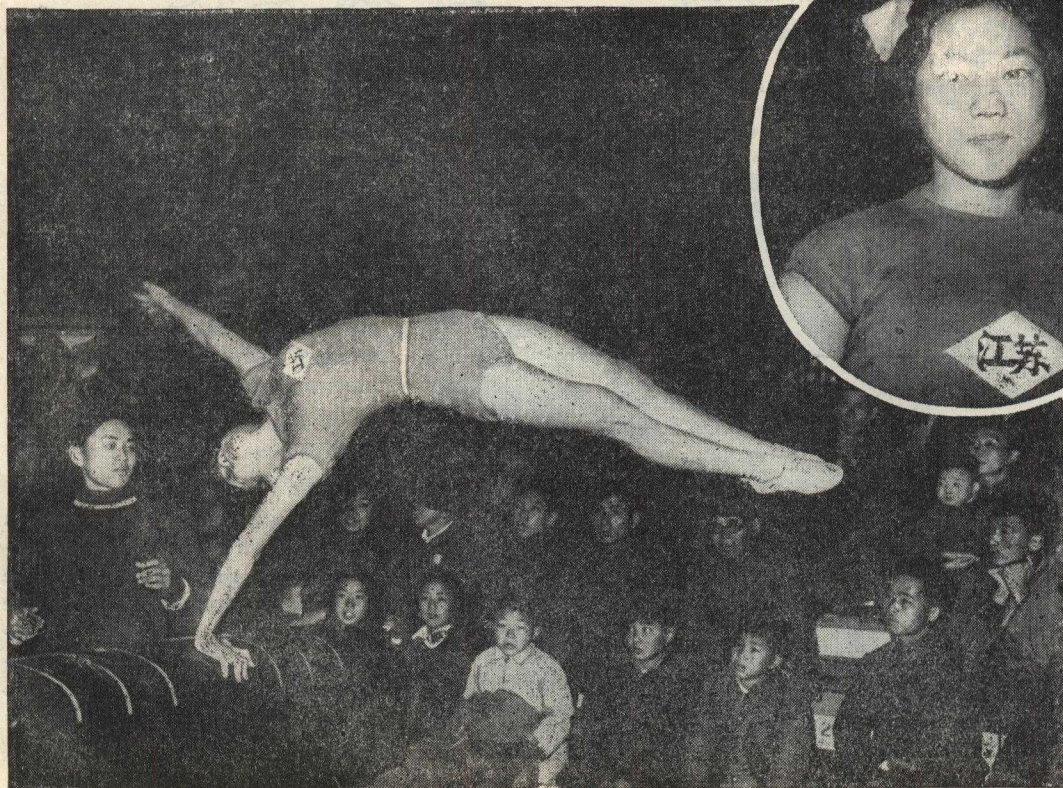
* * *

Посмотрите на фотографии.

Сто девяносто восемь сильнейших гимнастов «у-шу» встретились недавно в Пекине. На снимках, помещенных на предыдущей странице, вы видите двух чемпионов — тринадцатилетнего Хэнь Мин-наня и Ли Фу-мэй.

Китай издавна славится искусными лучниками. Старым стрелкам растет отличная смена (правый снимок).

Двенадцатилетняя школьница Дин Сяо-пин выполнила норму мастера по спортивной гимнастике (нижний снимок).

БУМАЖНОЕ КРУЖЕВО

В деревнях, да и во многих городах Китая до сих пор еще оконные рамы домов не всегда имеют стекла и заклеиваются специальной белой бумагой.

Когда в доме зажигают свет, на белом матовом фоне, как на экране, отчетливо проступают узоры, силуэты и даже целые картинки, иногда очень сложные, вырезанные из цветной бумаги.

Бумага чаще всего — ярко-красного цвета: ведь красный цвет считается в Китае цветом радости и счастья. Встречаются и зеленые, синие, желтые, черные силуэты.

Как делают вырезки?

Берут чистую белую или цветную бумагу и складывают в пачку. Сверху кладется рисунок-образец; бумага вместе с рисунком прошивается по краям ниткой, чтобы образец не соскальзывал. Остается взять в руки ножницы...

Впрочем, ножницами обычно вырезают лишь один — два экземпляра. Когда нужно большее количество копий — а их можно получить до семидесяти! — пользуются специальным ножичком.

Большая сноровка требуется, чтобы создавать вырезки, похожие на тончайшее кружево. Рука должна быть твердой, а взгляд — точным. И, конечно, нужен большой художественный вкус.

Искусство вырезок — глубоко народное искусство. Им занимаются в крестьянских и рабочих семьях, в свободное время, чтобы к празднику весны — «Чуньцзе» — украсить свое жилище.

Изготовлением бумажных вырезок увлекаются и многие китайские школьники. Их работы можно часто видеть в детских журналах и на выставках.

РЫБКА

Смотри рисунок на 3-ей странице обложки

Нравится вам эта волшебная рыбка? Такой китайский фонарик вы можете сделать сами, — нужно только быть внимательным и аккуратным.

Итак, за работу! Прежде всего из упругой проволоки согните 2 кольца диаметром 7 см (рис. 1). На кольцах отметьте 4 равноотстоящих точки: к ним прикрепляют боковые части каркаса рыбки.

Затем из проволоки толщиной 0,5 мм, обязательно с изоляцией из ниток, — к ней будет приклеена бумажная обтяжка рыбки, — заготовьте следующие отрезки для каркаса: два отрезка для боковых деталей длиной по 47 см, один для серединной детали длиной 37 см, один для рта длиной 15 см, два для жабр длиной по 15 см, один для середины носика длиной 8 см, два отрезка для хвоста рыбки длиной по 60 см и крючок на брюшке для кисточки длиной 5 см.

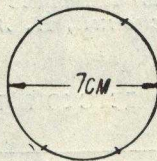

Рис. 1.

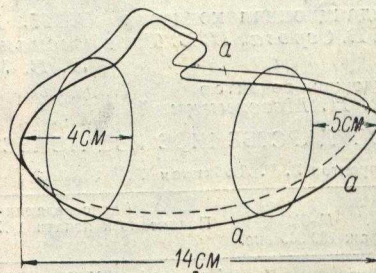

Рис. 2.

Готово. Давайте монтировать каркас рыбки. Соедините кольца в верхней и нижней точках проволокой *a*, выгнутой по линии «профиля» рыбки; такой же проволокой соедините кольца с другой стороны. (Рис. 2). Помните: кольца головной и хвостовой части должны отстоять друг от друга на 7 см, а длина туловища рыбки — 14 см.

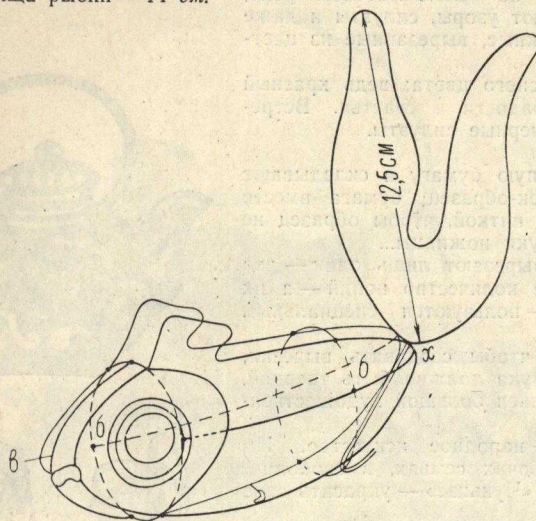

Рис. 3.

При сгибе проволоки *b* сохраняйте направление, дающее рыбе боковой объем, — от головы через хвост и опять к голове. (См. рис. 3, *b*). Рисунок 4 показывает форму рта и жабр, несколько отступающих от туловища, и место прикрепления проволоки *a*, идущей по середине носика ко рту рыбки. Проволочки либо прикрепляйте к кольцам нитками, либо замотайте вокруг кольца и зажмите плоскогубцами. Проволочки для хвоста выгните по рис. 5.

«Скелет» рыбки готов. Теперь одну сторону проволоочной формы смажьте клеем БФ-6, подержите несколько минут на воздухе и наложите на цветную бумагу. Бумага приклеилась? Теперь обрежьте лишние края. Так же поступите и со второй половиной. Две оклеенные хвостовые половинки скрепите ниткой в точках *x* (рис. 5).

Туловище рыбки оклейте цветной бумагой, оставив открытыми спинку и брюшко.

Проволочки хвоста вставьте в хвостовое отверстие (рис. 5).

Глаза рыбки делаются из папье-маше. Закруглите конец палки диаметром 3 см и оклейте его в несколько рядов бумагой. Снимите склеенную бумагу, высушите и обрежьте так, чтобы получились два выпуклых глаза. (Рис. 6). Нарисуйте большие черные зрачки. Подклейте под каждый глаз красный кружок из бумаги и приклейте глаза к голове рыбки.

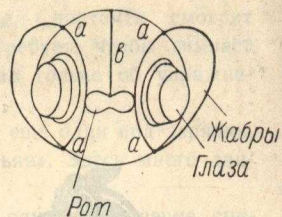

Рис. 4.

Прикрепите к брюшку цветную кисточку и, наконец, подвесьте сделанную вами рыбку на тонкую проволоку.

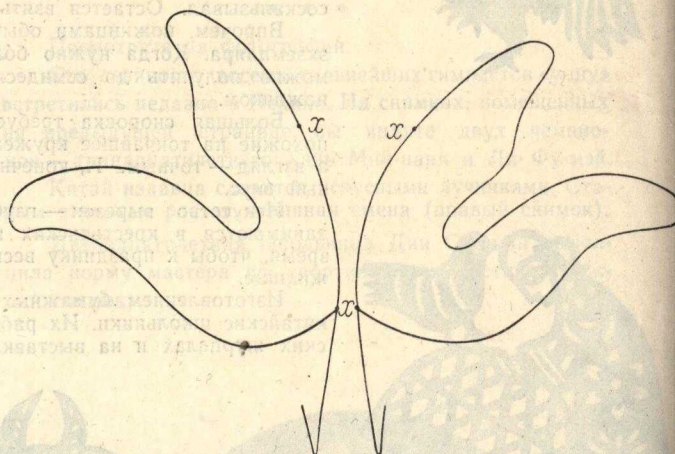

Рис. 5.

Внутри рыбки поместите электрическую лампочку: от ее тепла хвост рыбки будет слегка шевелиться. Бумагу для оклейки рыбки берите тонкую, — цветную или белую: ее можно окрасить тушью или акварелью. Но лучше, если бумага будет креповая. Можно разрисовать рыбку рисунком-чешуей. Цвет волшебной рыбки может быть любой, — по вашему вкусу.

Во время карнавала такие рыбки несут на длинных шестах.

Ребята! По такому же принципу можно сделать красивую бабочку или птичку.

Сфотографируйте свои самоделки и пришлите нам снимки.

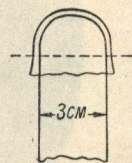

Рис. 6.

Редактор Н. С. Косарева

Редакционная коллегия: В. М. Бонамезич, С. В. Обручев, А. И. Пантелеев, Т. Н. Приставко, Е. В. Серова, Н. В. Терebinская (ответственный секретарь), В. В. Тороньгин (заместитель редактора), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий

Технический редактор
А. А. Двораковская

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

Корректор В. Г. Любачкая

Рукописи не возвращаются

М-02194.
Тираж 180 000 экз.

Адрес редакции: Ленинград, наб. Кутузова, 6, тел. Ж-3-23-63, комм. Ж-3-72-12.
Подписано к печати 1/X 1959 г.

Формат 84×108/16.
Заказ № 654.

Печ. л. 8+2 вкл. 6,8 усл. печ. л. 8,8 уч.-изд. л.
Цена 2 р. 50 к.

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УПП Ленсовнархоза. Ленинград, Измайловский пр., 29.
Обложка и вклейки отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати.

ВЫРАСТИЛИ АРБУЗ

